

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

2025, Том 4, № 2

Подписано к публикации: 09.04.2025

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) – доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2949-4656 (online)

Е-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2025

Содержание

Кадырова С.Р., Кадыров Р.С. Названия небесных светил в антропонимической системе турецкого языка	4-8
Терских Т.Ф., Литовкина А.М. Формирование профессиональной компетенции студентов при обучении научному стилю речи	9-12
Тянь Тинтин Особенности и эволюция эвфемизмов в китайском и русском языках	13-17
Омарова А.О., Кадыров Р.С. Категория числительного в турецком языке	18-23
Белогуб В.З., Долгополова Л.А. Крымские реалии в путевых записках Обри де ля Мотре	24-30
Рамазанова П.Н., Кадыров Р.С. История изучения турецкой диалектологии	31-36
Тажудинова Э.М., Кадыров Р.С. История изучения лексики турецкого языка в сравнительно-историческом освещении	37-41
Терских Т.Ф. Анализ интонационного оформления единиц речевого этикета в курсе фонетики для китайских студентов	42-47
Кокоева А.Ф. Структурно-семантические особенности когнитивной метафоры в политическом дискурсе	48-52
Назаренко Н.И., Дацер Е.С. Нарративные стратегии в рассказах У.С. Моэма	53-63

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 801.52

Названия небесных светил в антропонимической системе турецкого языка

¹ *Кадырова С.Р., Кадыров Р.С.,
Дажестанский государственный университет*

Аннотация: в данной статье впервые делается попытка описания названия небесных светил в антропонимической системе турецкого языка во взаимосвязи с культом неба, которое также непосредственно связано с Космосом. В основе личных имен с древними космогоническими верованиями лежат исторические факты. Заимствованные тюркские имена, которые вошли в турецкий язык с принятием ислама, не стали причиной исчезновения имен, связанных с языческой традицией. В каждом историческом периоде, личные имена всегда сохраняли и доводили ценные сведения до будущих поколений в области лингвокультурологии.

Ключевые слова: личные имена, культ неба, небесные светила, луна, солнце, турецкий язык, символ, звезда, планета

Для цитирования: Кадырова С.Р., Кадыров Р.С. Названия небесных светил в антропонимической системе турецкого языка // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 4 – 8.

Поступила в редакцию: 15 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 14 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Names of heavenly bodies in the anthroponymic system of the Turkish language

¹ *Kadyrova S.R., Kadyrov R.S.,
Dagestan State University*

Abstract: this article is the first attempt to describe the names of celestial bodies in the anthroponymic system of the Turkish language in connection with the cult of the sky, which is also directly connected with the Cosmos. Personal names with ancient cosmogonic beliefs are based on historical facts. Borrowed Turkic names, which entered the Turkish language with the adoption of Islam, did not cause the disappearance of names associated with the pagan tradition. In each historical period, personal names have always preserved and conveyed valuable information to future generations in the field of linguoculturology.

Keywords: personal names, cult of the sky, heavenly bodies, moon, sun, the Turkish language, symbol, star, planet

For citation: Kadyrova S.R., Kadyrov R.S. Names of heavenly bodies in the anthroponymic system of the Turkish language. Philological Bulletin. 2025. 4 (2). P. 4 – 8.

The article was submitted: December 15, 2024; Approved after reviewing: February 14, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Основная проблема, которая стоит сегодня перед антропонимикой в турецком языке состоит в исследовании личных имен турков в широком плане: исследование природы и сущности, образо-

вание и происхождение, структуру и семантику, места охвата и развития, орфоэпические и орфографические нормы и т.д. Антропонимы составляют большую часть лексики любого языка, в то же время считаются продуктами исторического

развития. В каждом периоде истории человечества, антропонимы сохраняют ценные сведения и передают будущему поколению.

Следует отметить, что атрибутом культуры считается язык, отражающий в наибольшей степени ключевые аспекты, жизненные эпизоды разных народов, их обычаи и историю. Термины «язык» и «культура» являются соединительным мостом между личностью с этнической ментальностью, национальным самосознанием, которые отображают культуру народа. Антропологический подход в процессе изучения языка дают нам возможность проникновенно исследовать смысл тех языковых единиц, которые являются эстетично промаркированными, символическими знаками. Преимущественно данный метод помогает самопознанию национальной идентичности, её ментальности и миропониманию. Как нам известно, что язык, культуру и национальную личность исследует наука лингвокультурология. Она, в основном, рассматривает языковые единицы, также отражает особенности национальной и культурной самобытности. Из-за этого, языковые единицы отражают как культурную, так и историческую особенность народа. По нашему мнению, в центре внимания находится антропонимическая лексика, как особая система и чаще всего развивается под влиянием не только языковых аспектов, но и на её формирование оказывают воздействие национальные, культурные и социальные условия, которые определяются во время выборе личного имени. Наша статья посвящена названию небесных светил в антропонимической системе турецкого языка и освещается в контексте культуры с позиции языковой индивидуальности.

Материалы и методы исследований

Материалом для данной статьи послужила антропонимическая лексика, в частности, названия небесных светил, изложенная в словаре личных имен турецкого языка, а также сведения, собранные полевым путем во время пребывания в Турции. При написании данной статьи об антропонимах с названиями небесных тел, мы преимущественно пользовались словарями личных имен и в ходе работы над статьей нами было рассмотрено более 100 антропонимов.

При работе над данной статьей мы пользовались описательным **методом**, а также частично прибегали к методу идеографического поля, где прослеживается единство с выражением антропонимических компонентов с культурно-социальным мировоззрением этноса. При этом нужно отметить, что собственные имена являются основой для обследования отдельных категорий ключевых основ антропонимического поля.

Результаты и обсуждения

При кодификации древних имен, многие ученые правдиво считают, что большинство имен непосредственно связано с символом Неба [1, с. 19]. Во время исследования, мы обнаружили два онима – Ау «Луна» и *Zehra* «Венера» из названий небесных светил, легших в основу турецких антропонимов. Также заметили, что один оним *Zehra* является заимствованным из арабского языка. С именем Ау в турецком именнике представлены большое количество женских имен: *Aybala, Aybike, Aycamal, Ayçe, Aymise, Ayhanum, Ayla, Aynise*. Составные женские имена у турков употребляется с компонентом Ау «Луна», а сам Ау как личное имя самостоятельно в именнике употребляется очень редко.

Вышеприведенные культовые преклонения перед небесными телами в антропонимической системе турецкого языка в основном находят воспроизведение в именах с элементом *ay* «луна», *gün* «солнце»: *Aylen, Ayçiçek, Ayla, Aydoğan, Ayşenur, Gündeş, Ergün, Güngör, Selgün, Günay, Günal, Aybeniz* и др.

В этих именах абсолютно отсутствует религиозное истолкование и чаще они просматриваются как имена, в которых содержится пожелания красоты родителей девочкам: *Günay* (день + красавица), *Ayçiçek* (луна + цветок), *Aybeniz* (луна + лицо) и т.п. Особенно нам интересны составные элементы личных имен *Günay* и *Aygün*, в которых мы видим компоненты двух небесных тел. Также хочется отметить, что в количественном отношении мужские имена собственные с компонентом *ay* в турецком языке встречаются больше, чем женских: *Aydar, Güngören, Güngör, Aydemir, Aytas, Ayperen, Gündüz, Günveren, Günseren, Aysar*.

В памяти турецкого народа до сих пор сохранилось вера в бога Луны, которое тесно связано с Космосом, Небом. Турецкий народ считает, что Луна имеет двойственный характер. Для тюркских народов компонент Ау символизирует целомудрие, чистоплотность, невинность. Многие народы мира считают Ау магической силой, дарующую людям радость и благодать. Тюркские народы из-за веры в магическую силу Луны своих новорожденных детей нарекали именами, где было обязательное присутствие компонента Ау. В антропонимике народов мира, особенно у тюркских, луна всегда сравнивается с милой девушкой, женщиной (*ay kızı* «лунная девушка»). *Türk halklarının mitolojilerinde sıklıkla İhtar, Hator, Anait, Anay, Tengri gibi ay tanrıçalarından söz edilir. Özellikle Budistler tarafından Ay'ın dişil enerji yin'in vücut bulmuş hali olarak kabul edildiğini ve imparatoriçelerin ve prenslerin sembolü olduğunu belirtmekte fayda var.*

Ay'ın farklı etnik gruplardaki sembolik anlamının incelenmesi bize "Ay"ın ikili bir yapıya sahip olduğunu bilme fırsatı veriyor. Bu materyali inceledikten sonra Türk halkının kültürel hafızasında Ay'ın ikililiğini koruduğu ve dolayısıyla Türk dillerinin antroponim sistemlerinde açıkça görüldüğü sonucuna vardık.

Н. Будаев отмечает о присутствии в историческом антропонимиконе мамлюков личных имен *Aytamiş al -Vacasi* (главнокомандующий войсками Египта) от Ау «луна» + *tam, tamga* (общетюрк.) «клеймо, тавро», *Aybek* (эмир, атабек армии Египта) [2, с. 58]. В.У. Махпиров в поэме XI века «Кутадгу Билик» *Aitoldi* анализирует личное имя героя, где находит в нем присутствие компонентов домусульманской традиции. Сегодня мы считаем, что основу наивной картины мира составляют имена, которые отражают сведения о мифологических верованиях народа.

Особенно те личные имена, которые имеют в основе древние космогонические верования, прошли долгий исторический путь и сохранились в наши дни. По видению некоторых ученых, с принятием Ислама исчезли большое количество тюркских имён, связанных с домусульманской традицией. По их мнению, каждая новая религия приносит новый порядок именования. Следует обратить особое внимание и на то, что даже заимствованные имена в тюрко-татарском языке не только не повлияли на сохранение компонентов языческой культуры, а наоборот, личные имена с элементом *ay* активно использовали и в XVII-XIX вв.» [3, с. 197].

Türk dünyasının modern Türk antroponomik resmi, ay bileşenine sahip çok sayıda isim ortaya koymaktadır: Aydan “Ay’dan”, Ayla “şafak, parlaklık”, Aysel “ay ışığı”, Ayçin “Ay benzeri; parlak» Ayvaz, Aydın, Aynur, Ayça, Aydar, Aygül, Aynaz ve diğerleri. Verilen örneklerden anlaşıldığı üzere, çoğunlukla ay unsuru taşıyan yeni adların, çağdaş Türk dili temelinde ortaya çıkan yeni oluşumlar olduğu düşünülmektedir. Ve bu nedenle yukarıdaki isimlerdeki isim tamlamasının içeriği görülmemektedir. Исходя из вышесказанного мы приходим к выводу о том, что знаковый характер апеллятива выходит на первый план и является символом красоты, чистоты и непорочности.

До принятия мусульманства личные имена с компонентом *ay* употреблялись в основном у тюркских народов. Компонент *ay* пополняет антропонимическую систему турецкого языка имяобразующими аффиксами.

Güneş tanrısı Türkler için her zaman kutsal bir varlık olmuştur, bu nedenle Türk isimlerinde gün unsuruna sıkça rastlarız: Güneş “Güneş”, Günay

“Güneş + Ay”, Günel “Halkın Güneşi”, Mehri “Güneş”, Şemsi “Güneş” vb. Bilindiği üzere eski Türk mitolojisinde Güneş'in Tengri'nin oğlu olduğu söylenir. Güneş de Ay gibi Gök ve Yer'in oğludur. Güneş tanrısına tapınma, Müslümanlığın kabulünden sonra da devam etti [3, с. 86].

Личные имена с компонентом *Gün* «Солнце» широко использовались в женских именах. И эта реальность говорит о доказательстве бинарной сущности Солнца.

Eski Türk dilinde etkin bir ad oluşturucu unsur olan *kön* sözcüğü “güneş” anlamında kullanılmıştır. Birçok modern Türk dilinde *kön* kelimesi gün anlamında kullanılır, “ancak etimolojik çalışmalar *kön* kelimesinin başlangıçta “güneş” anlamına geldiğini göstermektedir [4, с. 115].

Значение положительных качеств в именах турков является очень важным, потому что они хотят, чтобы ребенок был здоровым, счастливым, богатым, умным, красивым и т.д. Личные имена с компонентом *kön* в домусульманской антропонимической системе использовались в основном для того, чтобы отметить обстановку рождения ребенка и, скорее всего, эти имена отражали поклонение солнцу, которое должно было покровительствовать ребёнку. Собственные имена с компонентом *kön* (*kun*) тогда очень широко распространялись у тюрков. Так, имя одного из главных героев поэмы «Кутадгу билик», как указывает В.У. Махпиров, было *Kiin-Togdi*. Образ Солнца, олицетворяющий справедливость лежит в основе данного имени.

У буддистов считается, что солнце является олицетворением управителя природы, проявлением света, князя, отца, императора, правителя, что полностью соответствует сущности *Kun-Togdi* – главного героя поэмы [5, с. 169].

В тюркских языках об употреблении данного компонента, также и о его присутствии в числе ойконимов пишется в научном труде Г.Ф. Саттарова [6, с. 90-94]. Исследователь подтверждает, что в древнетюркском языке употреблялись личные имена *Кун*, *Кунэи*, *Кунтугды* (*кун + тугды* «взошло»), *Кундэй* «как солнце», *Кунтугмыш* «солнце взошло» и др., некоторые из них в настоящее время мы встречаем в числе таких ойконимов, как *Кунтугмыш*, *Кунтэч*.

Арабский синоним солнца *шамс* проник в турецкий язык и его в основном считают как проявление «синкретизма мусульманской и традиционной культуры». Компонент *шамс* как часть антрополексемы вошел в турецкий язык и употребляется как в составе женских, так и мужских личных имён.

Небесных светил турки, как известно, испокон веков ассоциируют с красивыми девушками и эта особенность вошла и в антропонимическое пространство турецкого языка. Türkçe antroponimide sıklıkla Ülker ismiyle karşılaşılır – "Venüs" gezegeninin ismi. Doğu'da var olan bir halk efsanesine göre, yeryüzündeki bir kadın olan Zehra, güzelliğiyle melekleri fethetmiş ve aldatmaya baş vurmuş ve sonunda Venüs gezegeni şeklinde cennete gitmiştir. Türkler Ülker yıldızını bir kızın saflığı ve samimiyetiyle bağdaştırırlar. Татары имя *Зухра* сравнивают с девушкой, которая обижена злой мачехой. Кстати, имя *Зухра* часто встречается в текстах народной культуры тюркских народов. Долгое время ученые пытались проявить интерес к этому имени, который не угасал на протяжении нескольких столетий. Собственное имя *Зохра* часто употребляется в Средней Азии и является одним из тех антропонимов, которые сохранили свою активную употребляемость с момента распространения мусульманских имён до наших дней. Более того, даже в тех языках, которые были подвержены влиянию арабо-иранской культуры, данное имя пользуется особой популярностью. Как отмечает А.Г. Гафуров, у иранских и тюркских народов чуть ли не самым распространённым именем было *Зухра* [7, с. 44].

Arapça ismiyle Sirius-Suriya gezegeni Türkçede farklı fonetik varyasyonlarla kadın ismi olarak kullanılmaktadır.

Названия небесных светил для турков во время наречения ребёнка стало традицией от древнетюркских времён до наших дней. Звезды и небесные светила, как нам известно, у тюркских народов всегда были объектом поклонения. Свидетельством доказательства этого и является и то, что в древнетюркском языке имя *Ulduz* «звезда» носил один из сыновей Огуз-хана.

Çulpan/Çolpan/Çopan "sabah yıldızı" adı, eski Türklerin gezegen inançlarını yansıtmaktadır ve Çulpan, Türk dillerinde Venüs gezegeninin ana adı olarak kabul edilir ve halk arasında şafak ve gün doğumuyla ilişkilendirilir. Çulpan, güzelliğinin geliştirilmiş bir imgesidir.

Личное имя *Zehra/Zuhra* «Венера» в турецкой антропонимике является названием звезды. В имени Венера произошла вторичная метафоризация, как родители, называя своего ребёнка этим именем, желают видеть своего ребёнка с красивым, светлым, чистым лицом.

Выводы

Турецкий народ, как и другие народы имеют свои собственные традиции давать детям имена, которые тесно связаны с языком, культурой и историей народа в целом. Хочется отметить, что в создании этно-культурно-языковой картины мира антропонимы играют важную роль. Именные системы развиваются постоянно и их формирование показывает преобразование в языковой картине мира. В основном антропонимы кардинально изменяются в реалиях общества, становятся результатом определенных фактов. К примеру, примечательными событиями стали принятие ислама турками, смена власти, политические реформы и т.д.. Также, лексическая система турецкого языка тесно связана с собственными именами и активно контактирует с ними. Иногда одни и те же имена формируют в неродственных языках абсолютно непохожие центры антропосемантических полей. Это обусловлено разнообразием в цивилизации и нравственности народов, образуя при этом лексические единицы, которые дополняют в языке определенные недостатки.

Специфику этнической картины мира выражают национально обусловленные когнитивные концепты, которые возникают на основе личных имен. Взаимоотношения личных имен с нарицательной лексикой, также проблемы использования имен в языке требуют более пристального внимания.

Турецкий народ всегда отличался набожностью, поэтому они почитают культ луны и солнца. В письменных памятниках тюркоязычных народов встречаются символы солнца и луны. Это говорит о том, что тюркские народы широко верят в их могущество и влияние на судьбу человека.

Обычаи, традиции и верования турецкого народа в основном отражали имена, употребляющиеся в доисламский период. Развития и эволюции, происходящие в турецкой антропонимической системе, говорит о том, что имена предков не забываются, где говорится в пословице

«Седою стала старина, но сохранились имена». В годы распространения ислама у турков имена в основном были религиозными, но несмотря на то, что в турецком именнике доминировали исламские имена, мы заметили, что древние имена не выпали полностью из системы имен. Эти имена турецкий народ сохранил до наших дней.

Список источников

1. Аминев З.Г. Космогонические воззрения древних башкир. Уфа, 2005. С. 19.
2. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. 1973. Вып. 7. С. 58.
3. Гаджихмедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р. А.-К. Кумыкские личные имена: Происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропониимику. Словарь. Махачкала, 2004. С. 86.
4. Аскерова Г.Н. Личные имена в фольклоре (на материале азербайджанских дастанов и сказок): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1986. С. 115.
5. Махмудов А. Фонетические основы передачи азербайджанских имен собственных на русском языке и русских имен собственных на азербайджанском языке. Баку, 1973. С. 169.
6. Саттаров Г.Ф. Татар антропониимикасы. Казань, 1990. С. 90 – 94.
7. Гафуров А.Г. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: Словарь. М.: Наука, 1987. С. 367.

References

1. Aminev Z.G. Cosmogonic views of the ancient Bashkirs. Ufa, 2005. P. 19.
2. Budaev A.Zh. Arabic-Persian borrowings in the Karachay-Balkar language. Bulletin of KBNII. 1973. Issue 7. P. 58.
3. Gadziakhmedov N.E., Guseinov G.-R. A.-K. Kumyk personal names: Origin and meaning. Introduction to Kumyk anthroponymy. Dictionary. Makhachkala, 2004. P. 86.
4. Askerova G.N. Personal names in folklore (based on Azerbaijani dastans and fairy tales): Abstract. diss. ... candidate of philological sciences. Baku, 1986. P. 115.
5. Makhmudov A. Phonetic bases for the transmission of Azerbaijani proper names in Russian and Russian proper names in the Azerbaijani language. Baku, 1973. P. 169.
6. Sattarov G.F. Tatar anthroponymics. Kazan, 1990. P. 90 – 94.
7. Gafurov A.G. Name and history. About the names of Arabs, Persians, Tajiks and Turks: Dictionary. M.: Nauka, 1987. P. 367.

Информация об авторах

Кадырова С.Р., Дагестанский государственный университет, guskadir@yandex.ru

Кадыров Р.С., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, guskadir-1964@yandex.ru

© Кадырова С.Р., Кадыров Р.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 8-133

Формирование профессиональной компетенции студентов при обучении научному стилю речи

¹ Терских Т.Ф., ¹ Литовкина А.М.,
¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: в настоящее время в методике преподавания русского языка как иностранного имеются значительные достижения в области исследования и описания языка научной специальной литературы. Что же касается обучения языку специальности, то эта проблема требует своего разрешения.

В статье уточняется цель формирования профессиональной компетенции студентов – овладение навыками работы с текстами научного стиля и обучение принципам создания текстов различных жанров как письменной, так и устной разновидностей научной речи. С этой целью был проведен анализ практических занятий и определен поэтапный коммуникативный минимум.

В статье подчеркивается, что главными моментами формирования профессиональной компетенции студентов являются знакомство со справочной литературой, изучение лексико-грамматических особенностей, работа с текстами научной направленности.

Авторами сделан акцент при обучении студентов научному стилю речи на важности прагматического подхода и работе со страноведческой информацией, а также определяется важность формирования умений у студентов находить информацию в различных источниках и интерпретировать её в соответствии с учебными целями.

Ключевые слова: обучение, научный стиль речи, профессиональная компетенция, лексико-грамматические особенности, прагматический подход, страноведение

Для цитирования: Терских Т.Ф., Литовкина А.М. Формирование профессиональной компетенции студентов при обучении научному стилю речи // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 9 – 12.

Поступила в редакцию: 17 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 15 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Formation of students' professional competence in teaching the scientific style of speech

¹ Terskikh T.F., ¹ Litovkina A.M.,
¹ Baikal State University

Abstract: currently, the methodology of teaching Russian as a foreign language has significant achievements in the field of research and description of the language of scientific literature. As for teaching the language of the specialty, this problem needs to be resolved.

The article clarifies the purpose of students' professional competence formation – mastering the skills of working with scientific texts and teaching the principles of creating texts of various genres, both written and oral varieties of scientific speech. For this purpose, an analysis of practical exercises was carried out and a step-by-step communicative minimum was determined.

The article emphasizes that the main aspects of the formation of students' professional competence are familiarization with reference literature, the study of lexico-grammatical features, and work with scientific texts. The authors emphasize the importance of a pragmatic approach and working with regional information when teaching students the scientific style of speech, and also determine the importance of developing students' skills to find information in various sources and interpret it in accordance with educational goals.

Keywords: teaching, scientific style of speech, professional competence, lexico-grammatical features, pragmatic approach, regional studies

For citation: Terskikh T.F., Litovkina A.M. Formation of students' professional competence in teaching the scientific style of speech. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (2). P. 9 – 12.

The article was submitted: December 17, 2024; Approved after reviewing: February 15, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Интенсификация учебного процесса предполагает строгий отбор не только языкового материала, подлежащего усвоению, но и коммуникативных задач, встающих перед студентами. На подготовительном факультете на первых занятиях по предметам студенты для успешного овладения материалом должны обладать определенным уровнем сформированности навыков общения в учебно-научной сфере.

Материалы и методы исследований

Как отмечает Т.В. Шустикова, «в современной методике считается, что обучение общему владению русским языком базируется на самой тесной взаимосвязи аспектов языка – фонетики, лексики и грамматики. Освоение языка будущей специальности также требует системной взаимосвязанной работы по указанным аспектам, их координации» [8, с. 83].

Итак, для изучения (а затем и использования) научного стиля речи необходимо хорошо знать «...склонение, спряжение и основы словообразования» [5]. Кроме того, студенты должны быть знакомы с этапами предтекстовой, притекстовой и послетекстовой работы, которые формируют лингвистическую и коммуникативную компетенцию.

Анализ хода практических занятий показал, что для учащихся важнее всего уметь: 1) воспринимать объяснение преподавателя по теме; 2) понять и задать вопрос с целью получения дополнительной информации; 4) назвать и объяснить последовательность своих действий; 5) прочитать определение. Закладываются эти навыки на занятиях по русскому языку. Определяется поэтапный коммуникативный минимум, составляется текстотека и каталог речевых действий. Опорой для развития требуемых навыков служат тексты, к которым предъявляется ряд требований: небольшой объем, строгий отбор и логика в изложении темы, построение в форме диалога или присутствие элементов устной диалогической научной речи. Это тексты – модели для высказывания, приучающие студентов к монологу и диалогу по научным проблемам. Студенты обучаются на основе конкретных языковых моделей и лексики при изучении

конкретных тем, с которыми они встретятся на занятиях. Студенты обучаются способам связи предложений в тексте. «Они знакомятся с актуальным членением предложения (известной информацией – темой, новой информацией – ремой), со способами передачи ремы, со способами связи предложений в тексте (последовательным, параллельным, комбинированным), что одно предложение, прочитанное с разными интонациями, может быть ответом на разные вопросы» [4]. При таком подходе значительно повышается мотивация обучения, что положительно сказывается на формировании языковой и предметной компетенции студентов.

Таким образом, необходимое условие для изучения научного стиля речи – понимание русского предложения и словообразования; формирование способности построения самостоятельных высказываний на основе изученного лексико-грамматического материала [3].

Общепризнанная в лингводидактике мысль о тексте как основной базовой единице, на которой строится преподавание научного стиля речи на подготовительном факультете, содержит в себе ряд трудноразрешимых вопросов и противоречий, связанных с содержанием текстов и степенью их адаптации. Хорошо помогает координация учебных планов по научному стилю речи преподавателей русского языка с учебными планами преподавателей социально-гуманитарных дисциплин.

Существует два подхода при работе над данным видом стиля речи. Первый подход условно называется «с текстом», второй – «без текста». Он основывается на некоторой группе терминов, объединенных по тематическому принципу. Эти термины служат материалом для системы упражнений, в которых каждая терминологическая единица сначала многократно обрабатывается в различных коммуникативно значимых сочетаниях лишь потом вводится в микротекст.

Важно определить, какие слова и словосочетания соответствуют тексту-описанию, например, это могут быть слова *называется, определяется, соответствует, является, с одной стороны, с другой стороны;* и тексту-повествованию – *снача-*

ла, потом, необходимо отметить, следует дополнить, как уже было сказано.

В этом случае возникает возможность на одном занятии оттренировать достаточно большую группу терминов по данному предмету с опереженным вводом их на уроках по научному стилю речи. Но изучение языка специальности не сводится только к усвоению терминологии.

Научный текст – это сложное понятие со своими особенностями построения, развития темы, с четкими логическими отношениями между частями высказывания и т.д.

Научный текст может содержать описание этапов развития науки (повествование), дефиницию (определение), гипотезу (тезис) и систему доказательств, аргументов (рассуждение). Поэтому важно сформировать у студентов-иностранцев и навыки выделения соответствующих фрагментов текстов при овладении различными видами чтения.

Но подбирая или составляя тексты, не следует игнорировать познавательную сторону мыслительной деятельности учащихся, чем в значительной степени страдают тексты для подготовительных факультетов базовых учебников по научному стилю речи.

По словам Т.В. Черняевой, «нередко профильные учебно-научные тексты не вызывают особого интереса у иностранных слушателей. Они не видят смысла в изучении научного стиля речи, не понимают его сущности, не осознают его роли в овладении будущей специальностью» [6, с. 541].

Результаты и обсуждения

Таким образом, при обучении научному стилю речи важно учитывать прагматический аспект, тематику по страноведческой информации и хорошим подспорьем в «процессе обучения языку специальности будут графические средства, которые инициируют высказывание, формируя коммуникативную базу (дать определение понятия, класси-

фицировать предметы, описать строение предмета, его местонахождение)» [2, с. 226].

Обучение студентов языку специальности необходимо построить таким образом, чтобы оно соединяло сильные стороны одного и другого подходов. Для этого важно определить и минимизировать словарные материалы по социально-гуманитарному профилю, создать типы заданий, упражнений, предусмотренных в подходе, условно названном «без текста».

Возможно также проводить отбор научно-популярных текстов из различных источников, которые при соответствующей обработке дают возможность показать сильные стороны синтаксиса и морфологии научного текста, но и обладают познавательной ценностью. «Каждая конструкция, входящая в коммуникативно-речевой блок, представлена как набор слов и форм, связанных единым содержанием и функцией» [5]. Все эти моменты способствуют формированию коммуникативной компетенции студента (выходу в речь).

Именно эти языковые средства и вызывают наибольшую трудность при изучении научного стиля, тогда как его экстралингвистические свойства (такие, как точность, логичность, объективность) являются международной нормой и в целом понятны иностранцам [1, с. 397].

Выводы

Таким образом, формирование профессиональной компетенции студентов при обучении научному стилю речи включает в себя развитие следующих умений и навыков:

- изучение лексико-грамматических особенностей;
- овладение практическими навыками создания типичных текстов научного стиля;
- овладение различными видами чтения (ознакомительное, просмотровое, изучающее);
- формирование умений находить информацию в различных источниках и интерпретировать её в соответствии с целями.

Список источников

1. Варзина Н.П., Цивень Д., Кайян Ш. Особенности научного стиля в изучении русского языка как иностранного // Жанрово-стилевой подход в преподавании русского языка и культуры речи: Сборник научных статей и методических рекомендаций по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И.А. Сотова. Иваново, 2013. С. 396 – 402.
2. Ильина Л.А., Султанова А.М. Обучение иностранных учащихся-нефилологов конструкциям научного стиля речи // Русский язык на перекрестке эпох: традиции и инновации в русистике: сб. науч. ст. по мат. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ереван, 26-28 сентября 2019 г.). Ереван, 2019. С. 226.
3. Капитонова Т.И., Московкин Л.В. Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе предвузовской подготовки <https://mybook.ru/author/t-kapitonova/metodika-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostranno/read/> (дата обращения: 14.11.24)

4. Королькова Я.В. Обучение научному стилю речи на подготовительном отделении (из опыта разработки учебного пособия по русскому языку как иностранному) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5-4. С. 628 – 630. <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7185> (дата обращения: 24.11.2024)

5. Чернявская Я.Л., Шалабодова А.Г., Черных О.И. Академический язык: научный стиль речи в курсе языка как иностранного // Непрерывное образование: XXI век. 2023. Вып. 1 (41). <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskij-yazyk-nauchnyy-stil-rechi-v-kurse-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (дата обращения: 12.11.24)

6. Черняева Т.В. Особенности обучения научному стилю речи иностранных слушателей подготовительного отделения // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации: мат. 74-й научной сессии сотрудников университета (г. Витебск, 23-24 января 2019 г.). Витебск, 2019. С. 541.

7. Шустикова Т.В. Фонетический аспект в обучении научному стилю речи (довузовский этап) // Мир русского слова и русское слово в мире: мат. XI Конгресса МАПРЯЛ. София: Heron Press, 2007.

8. Шустикова Т.В. Научный стиль речи: компетентностный подход к обучению на базовом этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». 2008 № 1 С. 81 – 88.

References

1. Varzina N.P., Tsiven D., Kaiyan Sh. Features of the modern style in studying Russian as a foreign language. Genre-style approach to teaching Russian language and speech: Collection of scientific articles and methodological recommendations based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference. Edited by I.A. Sotov. Ivanovo, 2013. P. 396 – 402.

2. Plyina L.A., Sultanova A.M. Teaching foreign students-non-philologists to build a scientific language. Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies: collection of scientific articles on mat. IV Int. scientific-practical. conf. (Yerevan, September 26-28, 2019). Yerevan, 2019. P. 226.

3. Kapitonova T.I., Moskovkin L.V. Methods of Teaching English as a Foreign Language at the ETA-University Training Course <https://mybook.ru/author/t-kapitonova/metodika-obucheniya-russkomu-yazyku-kak-inostranno/read/> (date of access: 11.14.24)

4. Korolkova Ya.V. Teaching Scientific Style of Speech on Discrete Separation (From the Experience of Developing Textbooks in English as a Foreign Language). International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 5-4. P. 628 – 630. <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=7185> (date of access: 11.24.2024)

5. Chernyavskaya Ya.L., Shalabodova A.G., Chernykh O.I. Academic Language: Scientific Style of Speech in a Foreign Language. Continuous Education: 21st Century. 2023. Issue 1 (41). <https://cyberleninka.ru/article/n/akademicheskij-yazyk-nauchnyy-stil-rechi-v-kurse-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo/viewer> (date of access: 12.11.24)

6. Chernyaeva T.V. Features of teaching scientific style of speech to foreign students of the preparatory department. Achievements of fundamental, clinical medicine and pharmacy: materials of the 74th scientific session of the university staff (Vitebsk, January 23-24, 2019). Vitebsk, 2019. P. 541.

7. Shustikova T.V. Phonetic aspect in teaching scientific style of speech (pre-university stage). The world of the Russian word and the Russian word in the world: materials of the XI Congress of MAPRYAL. Sofia: Heron Press, 2007.

8. Shustikova T.V. Scientific style of speech: a competency-based approach to learning at the basic stage. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: “Educational Issues: Languages and Specialties.” 2008 No. 1 P. 81 – 88.

Информация об авторах

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

Литовкина А.М., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет

© Терских Т.Ф., Литовкина А.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.373

Особенности и эволюция эвфемизмов в китайском и русском языках

¹ Тянь Тинтин,

¹ Цзянсуский педагогический университет, Китай

Аннотация: эвфемизмы являются универсальным явлением в процессе использования языка и играют важную роль в языковой коммуникации. В межличностном общении эвфемизмы применяются практически во всех сферах. В определенной степени они могут влиять на успех или неудачу коммуникации. С момента появления языка эвфемизмы также возникли. Как смещение языкового и культурного явления, эвфемизмы являются неотъемлемой частью межличностного общения. Из-за различий в культурном фоне, языковых системах и других аспектах между Китаем и Россией, изучающие язык часто сталкиваются с неудачами в межкультурной коммуникации, вызванными неправильным использованием эвфемизмов. В данной статье анализируются сущность и причины возникновения эвфемизмов, сравниваются сходства и различия между русскими и китайскими эвфемизмами, раскрываются исторические особенности изменений эвфемизмов в процессе развития эпохи, что способствует углублению понимания культуры обеих стран и содействует межкультурному обмену между Китаем и Россией.

Ключевые слова: эвфемизм, особенности, эволюция, Китай, Россия

Для цитирования: Тянь Тинтин Особенности и эволюция эвфемизмов в китайском и русском языках // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 13 – 17.

Поступила в редакцию: 17 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Features and evolution of Chinese and Russian euphemisms

¹ Tian Tingting,

¹ Jiangsu Normal University, China

Abstract: euphemism is a common linguistic phenomenon, and plays an important role in communication. During the communication, euphemism is used in almost all fields. To some extent, euphemism can influence whether the communication is successful or not. When language came into being, euphemism emerged accordingly. As a mixture of language and cultural phenomena, euphemism is irreplaceable in interpersonal communication. Due to differences in cultural backgrounds and language systems, language learners often fail in cross-cultural communication due to improper use of euphemisms. This paper analyzes the connotation and causes of euphemisms, compares the similarities and differences between Russian and Chinese euphemisms, reveals the characteristics of the historical changes of euphemisms in the development of the times, deepens the understanding of Chinese and Russian people about the cultures of both sides, and promotes the cross-cultural exchanges between China and Russia.

Keywords: euphemism, features, evolution, China, Russia

For citation: Tian Tingting Features and evolution of Chinese and Russian euphemisms. Philological Bulletin. 2025. 4 (2). P. 13 – 17.

The article was submitted: December 17, 2024; Approved after reviewing: February 19, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Язык является носителем культуры, он служит культуре и одновременно отражает её потребности. С развитием общества и эпохи язык, как отражение культуры и национальной психологии, постоянно обновляется и изменяется. Эвфемизмы, являясь важной частью языковой системы, представляют собой распространённое социальное явление в национальном контексте, а также универсальный лингвокультурный феномен. В повседневном общении, по различным причинам, люди часто прибегают к эвфемизмам, когда не хотят или не могут прямо выразить свои мысли, чтобы избежать использования запретных или неприемлемых выражений. Как лексические единицы, эвфемизмы служат ключевым инструментом в языках, они потенциально смягчают или маскируют табуированные, негативные, или чувствительные темы [6, с. 70]. «Качество» коммуникативного языка напрямую влияет на то, насколько успешным и эффективным будет общение, и даже на гармонию межличностных отношений. Поэтому правильное использование эвфемизмов имеет особое значение.

Термин «эвфемизм» происходит от греч. *euphemia*, что значит дословно «использование слов, служащих хорошим знаком» [5, с. 17]. Его возникновение тесно связано с табуированной лексикой. На ранних этапах человеческой цивилизации языку приписывалась сверхъестественная сила, и люди верили, что сам язык способен приносить счастье или бедствие. Люди отождествляли названия или имена тех вещей, которые вызывали у них страх или трепет, с самими этими вещами, полагая, что упоминание их имён или названий равносильно упоминанию самих этих вещей и может привести к несчастью или бедствию. Это привело к возникновению языковых табу. Однако, когда нельзя было сказать, но всё же необходимо было выразиться, люди искали способы обойти прямое упоминание этих вещей, чтобы избежать несчастья или бедствия. Таким образом, появились эвфемизмы.

Эвфемизмы представляют собой «способ выражения, при котором вместо прямого, неприятного или недостаточно уважительного высказывания используется неявное, более приятное и смягчённое высказывание». Или же это «выражение определённых фактов или идей в смягчённой или более мягкой форме с целью уменьшения их грубости или резкости». В самих способах выражения эвфемизмов широко используются такие риторические приёмы, как метафора, метонимия, каламбур и ирония, чтобы в определённом контексте

можно было применить подходящий эвфемистический способ выражения, обеспечивая тем самым вежливость и тактичность. Хотя средства выражения эвфемизмов становятся всё более разнообразными, их основная функция остаётся неизменной, а именно устранение негативных и нежелательных факторов в речевом общении, что способствует более гладкому и приятному коммуникативному процессу [11, с. 55].

С развитием общества и прогрессом науки и техники, количество эвфемистических выражений, связанных с языковыми табу, постепенно сокращается. В то же время, эвфемизмы, относящиеся к различным сферам жизни людей, становятся всё более распространёнными, постепенно превращаясь в «новых звёзд» на сцене эвфемистической речи. В процессе межличностного общения люди стремятся использовать более сдержанные, мягкие и нейтральные выражения, чтобы смягчить или исключить различные неприятные ассоциации, тем самым повышая приемлемость, узнаваемость и уместность речевого выражения в процессе коммуникации. Это помогает уменьшить психологическое давление и раздражение у слушателя, делая сообщение более лёгким для восприятия и способствуя достижению желаемых коммуникативных целей и эффектов. Можно сказать, что эвфемизмы являются своего рода «смазкой» в коммуникативной деятельности. Эвфемизмы представляют собой повсеместно распространённое языковое явление в жизненном мире человека, затрагивающее все аспекты жизни [9, с. 125]. С развитием эпохи и под влиянием новых идей свободы и равенства, эвфемизмы получили новые возможности для развития.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования явились словари китайского и русского языков, представляющие особенности эвфемизмов. В данной работе использовались метод синтеза, метод анализа словарных дефиниций и метод анализа.

Результаты и обсуждения

Основной характеристикой эвфемизмов является их изменчивость и сменяемость. То, что воспринимается как эвфемизм на одном этапе развития общества, может утратить этот статус на следующем этапе, становясь средством, которое, по мнению большинства носителей языка, называет объект слишком прямо [2, с. 387]. Некоторые эвфемизмы, которые в определённый период времени не обладают признаками эвфемистичности, могут снова становиться табуированными словами. Например, слово «туалет» является эвфемизмом, но со временем люди начинают ассоциировать его

с выделительными процессами и считают его неприличным, в результате чего слово «туалет» заменяется новыми эвфемизмами, такими как «санузел» или «ванная комната». Это явление лингвисты называют «реэвфемизацией»: 厕所 → 卫生间 → 洗手间. Согласно В.П. Москвину, чем активнее употребляется эвфемизм, тем быстрее он утрачивает свои смягчающие свойства и тем скорее возникает необходимость в его замене на новый [4, с. 67].

Помимо функции «облагораживания», эвфемизмы также выполняют роль компенсации табу. Например, Праздник Весны (Китайский Новый год) является главным традиционным праздником китайцев, а также ключевым периодом, когда китайцы молятся о благополучии и привлечении удачи в новом году. В это время китайцы особенно избегают разбивания посуды, тарелок или чашек, так как это считается предзнаменованием того, что новый год будет полон разрушений и хаоса. Поэтому такие слова, как «разбить», «расколоть» или «испортить», которые несут неблагоприятный смысл, становятся табуированными в период праздника. Однако ситуации, когда что-то разбивается, всё же неизбежны, и в таких случаях китайцы сразу используют эвфемизмы, такие как «(碎碎) 岁岁平安» (произношение «суйсуй пинъань»), что означает «пусть каждый год будет мирным»), чтобы смягчить негативные эмоции и разрядить неловкую обстановку.

О.А. Морозовой выделяются следующие основные функции эвфемизмов: смягчающая, этикетная, вуалирующая скрывающая, маскирующая, камуфлирующая, выразительная, описательная и градуальная. И в зависимости от контекста и особенностей речевой ситуации эвфемизмы меняют свой функционал [3, с. 391-392]. Применение эвфемизмов у китайского и русского народов обусловлено схожими причинами и преследует одинаковые цели, однако уникальные особенности национальной культуры каждого из этносов определяют необходимость исследования эвфемизмов в различных направлениях [7, с. 58].

В русском языке для обозначения смерти, помимо прямого слова «умер», существуют различные эвфемистические выражения, такие как «отправился к праотцам», «отдать богу душу», а также более современное и распространённое выражение «скончался» и другие. А в китайском языке есть больше синонимов, обозначающих «死» (смерть): «安息、仙逝、圆寂、长辞» и т.д.

В китайском языке при описании явления беременности у женщин часто используются такие эвфемистические выражения, как «有了», «有喜了

», «身子不方便», «身怀六甲». В русском языке для обозначения слова «беременна» также можно использовать эвфемизмы, такие как «в интересном положении», «ждет ребенка», «на сносях», «готовится стать матерью» [10, с.19].

Различия в религиозных верованиях приводят к разному использованию эвфемизмов. Большинство русских исповедуют православие, и в отношении религиозных понятий, таких как божества или дьявол, они часто используют эвфемизмы для их выражения. В то время как в Китае распространено многобожие, и религиозный оттенок в китайском языке не столь выражен. В китайском языке при упоминании дьявола или демонов не требуется использование эвфемизмов.

Однако китайский язык находится под сильным влиянием феодального иерархического общества, что привело к активному использованию эвфемизмов для выражения уважения к именам, что является одной из особенностей китайского языка. Например, в китайской культуре нельзя напрямую называть старших по имени, а имена детей не должны совпадать с именами предков. В то же время в русском языке в этом отношении практически нет табу, и подход более свободный. В России ученики в школах могут называть учителей по имени, а в знак уважения к старшим детям иногда дают имена предков. В некоторых русских семьях явление, когда дедушка и внук или отец и сын носят одинаковые имена, является довольно распространённым.

Кроме того, заметные различия проявляются в обсуждении тем, связанных с сексом. В Китае секс часто считается чем-то грязным и постыдным, поэтому для выражения связанных с ним понятий используются эвфемизмы. В то время как в русском языке, хотя и избегают прямого обсуждения этой темы, культурный контекст предполагает, что это естественное и даже прекрасное явление. Поэтому при обсуждении некоторых неприличных сексуальных действий часто используются более нейтральные эвфемизмы. То, что в одной культуре воспринимается как табу, в другой может считаться нормой, а использование эвфемизмов основывается на культурных ценностях и убеждениях [1, с. 343]. В ходе коммуникативного взаимодействия, если реципиент не обладает необходимыми фоновыми знаниями или не учитывает коммуникативную среду, ему становится затруднительно распознать эвфемистическую интенцию говорящего. Для адекватного понимания эвфемизмов требуется принимать во внимание социальный контекст, который охватывает как лингвистические, так и экстралингвистические аспекты коммуникативной ситуации [8, с. 289]. Различия в использовании

эвфемизмов ярко отражают разницу в ценностных установках между Китаем и Россией.

Выводы

Люди живут в определённом обществе и неизбежно подвергаются влиянию и ограничениям со стороны социокультурной среды, культурных традиций и культурного порядка. Китай и Россия являются стратегическими партнёрами, и их взаимодействие становится всё более частым, однако различия в культуре и обычаях двух народов могут создавать определённые барьеры. Различия между народами в культурном плане часто проявляются в языковом выражении, а эвфемизмы в разных культурных традициях отражают различные культурные контексты. За такими языковыми

явлениями, как эвфемизмы, скрываются различия в ценностных установках, культурных характерах и способах мышления двух народов. Для того чтобы достичь плавного, приятного и продуктивного общения, необходимо иметь определённое понимание определения, особенностей и функций эвфемизмов, а также хорошо разбираться в культурных традициях, обычаях, контекстах и табу разных народов. Сопоставительный анализ русских и китайских эвфемизмов помогает углубить понимание культурных различий между двумя сторонами и создать хорошую лингвистическую основу для межкультурной коммуникации между Китаем и Россией.

Список источников

1. Алимов Т.Э. Куприянова М.Е. Коммуникативно-прагматические особенности эвфемизмов в русском и узбекском языках // *Litera*. 2024. № 6. С. 333–346.
2. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // *Яз. славян. Культуры*. 2004. С. 262–286.
3. Морозова О.А. Особенности функционирования эвфемизмов в русской языковой картине мира // *Преподаватель XXI век*. 2022. № 1. Ч. 2. С. 388–395.
4. Москвин В.П. Эвфемизмы, системные связи, функции и способы образования // *Вопросы языкознания*. 2001. № 3. С. 61–67.
5. Терентьева В.К. Табуизмы и лексические ограничения в современной речевой практике японского языка, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Федеральное Государственное бюджетное учреждение науки. Москва, 2017. 181с.
6. Чернова Д.Е. Эвфемизмы в китайских СМИ // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. № 12-4. С. 70–74.
7. Чжао Цзэхун Эвфемизмы наименований профессий в русском и китайском языках // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2023. Т. 15, вып. 1. С. 58–66.
8. Юань Лиин, Ли Гэнвэй Реализация стратегии перевода русских эвфемизмов на китайский язык на основании теории релевантности // *Современное педагогическое образование*. 2023. №8. С. 288–291.
9. 孙敏. 英语委婉语研究的语用功能维度[J]. *外语学刊*, 2007, (02): С. 125–127.
10. 徐高洁. 汉语文学作品中委婉语的俄译研究[D]. *上海外国语大学*, 2021. 69 с.
11. 赵家玉. 俄语委婉语语用研究[D]. *长春理工大学*, 2023. 66 с.

References

1. Alimov T.E. Kupriyanova M.E. Communicative and pragmatic features of euphemisms in the Russian and Uzbek languages. *Litera*. 2024. No. 6. P. 333–346.
2. Krysin L.P. Euphemisms in modern Russian speech. *Slavic Language. Cultures*. 2004. P. 262–286.
3. Morozova O.A. Features of the functioning of euphemisms in the Russian linguistic picture of the world. *Teacher XXI century*. 2022. No. 1. Part 2. P. 388–395.
4. Moskvin V.P. Euphemisms, systemic connections, functions and methods of formation. *Questions of language knowledge*. 2001. No. 3. P. 61–67.
5. Terentyeva V.K. Taboos and lexical restrictions in modern speech practice of the Japanese language, Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences, Federal State Budgetary Institution of Science. Moscow, 2017. 181 p.
6. Chernova D.E. Euphemisms in Chinese media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2024. No. 12-4. P. 70–74.
7. Zhao Zehong Euphemisms of names of professions in Russian and Chinese. *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*. 2023. Vol. 15, issue. 1. P. 58–66.
8. Yuan Liying, Li Genwei Implementation of a strategy for translating Russian euphemisms into Chinese based on the theory of relevance/ *Modern pedagogical education*. 2023. No. 8. P. 288–291.

9. 孙敏. 英语委婉语研究的语用功能维度[J]. 外语学刊, 2007, (02): P. 125 - 127.
10. 汉语文学作品中委婉语的俄译研究[D]. 上海外国语大学, 2021. 69 p.
11. 赵家玉. 俄语委婉语语用研究[D]. 长春理工大学, 2023. 66 p.

Информация об авторе

Тянь Тинтин, Цзянсуский педагогический университет, Китай

© Тянь Тинтин, 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.512.161

Категория числительного в турецком языке

¹ *Омарова А.О.,¹ Кадыров Р.С.,
¹ Дагестанский государственный университет*

Аннотация: наша статья посвящена комплексному исследованию категории числительного в турецком языке, с акцентом на их классификацию и функциональные особенности. В данной статье детально рассматриваются различные разряды числительных: количественные, порядковые, дробные, разделительные, неопределённые и собирательные, а также их взаимодействие с существительными в контексте грамматического согласования, синтаксической функции и склонения. В статье также раскрывается структура числительных, их морфологическая и синтаксическая спецификация, что позволяет предложить более детализированную классификацию числительных, учитывая их семантическую и функциональную роль в языке. Особое внимание уделяется структуре числительных во множественном числе и их влиянию на синтаксическую организацию предложений.

Ключевые слова: турецкий язык, числительные, категория числа, количественные числительные, порядковые числительные, тюркские языки, морфология, синтаксис

Для цитирования: Омарова А.О., Кадыров Р.С. Категория числительного в турецком языке // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 18 – 23.

Поступила в редакцию: 18 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 20 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Category of numeral in the Turkish language

¹ *Omarova A.O.,¹ Kadyrova R.S.,
¹ Dagestan State University*

Abstract: our article is devoted to a comprehensive study of the category of numerals in the Turkish language, with an emphasis on their classification and functional features. This article examines in detail the various categories of numerals: cardinal, ordinal, fractional, partitive, indefinite and collective, as well as their interaction with nouns in the context of grammatical agreement, syntactic function and declension. The article also reveals the structure of numerals, their morphological and syntactic specification, which allows us to offer a more detailed classification of numerals, taking into account their semantic and functional role in the language. Particular attention is paid to the structure of plural numerals and their influence on the syntactic organization of sentences.

Key words: the Turkish language, numerals, category of number, cardinal numerals, ordinal numerals, Turkic languages, morphology, syntax

For citation: Omarova A.O., Kadyrova R.S. Category of numeral in the Turkish language. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (2). P. 18 – 23.

The article was submitted: December 18, 2024; Approved after reviewing: February 20, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Числительные представляют собой одну из ключевых категорий в грамматической структуре языка, играя важную роль в формировании количественных и порядковых значений, а также в организации синтаксических конструкций. В турецком языке числительные обладают уникальными характеристиками, которые требуют особого внимания с точки зрения их морфологии, синтаксиса и семантики. Несмотря на значительный интерес к числительным в типологических исследованиях, вопрос их функциональной классификации и синтаксической роли в турецком языке до сих пор остаётся недостаточно изученным, что обуславливает актуальность данного исследования.

Материалы и методы исследований

Материалом для данной статьи послужила категория числительного в турецком языке, с акцентом на их классификацию и функциональные особенности, что позволяет выявить общие закономерности и уникальные особенности их использования в контексте турецкой грамматики. Методология включает детализированный синтаксический анализ, что даёт возможность глубже понять роль числительных в различных коммуникатив-

ных и дискурсивных контекстах. Результаты исследования содействуют формированию более точных представлений о правильном и контекстуально обоснованном использовании числительных в устной и письменной речи, что актуально как для теоретической лингвистики, так и для практики преподавания турецкого языка.

Исследование основывается на описательном и сравнительном методах анализа. Для анализа использовались материалы современных турецких текстов, учебных пособий и грамматик.

Результаты и обсуждения

Числительные в турецком языке тесно связаны с категорией числа, однако они не изменяются по числу (множественное число существительного в словосочетаниях не изменяется под влиянием числительного). Это свойство характерно для агглютинирующих языков, в частности для турецкого.

1. Типы числительных.

Числительные делятся на несколько типов:

Количественные числительные – обозначают числовую величину или количество объектов, выражая информацию о размере или численном составе предметов в данной группе.

Таблица 1
Table 1

Единичные числительные:
1 — <i>bir</i> [бир]
2 — <i>iki</i> [ики]
3 — <i>üç</i> [юч]
4 — <i>dört</i> [дёрт]
5 — <i>beş</i> [бешь]
6 — <i>altı</i> [алты]
7 — <i>yedi</i> [йеди]
8 — <i>sekiz</i> [секиз]
9 — <i>dokuz</i> [докуз]
Десятки:
10 — <i>on</i> [он]
20 — <i>yirmi</i> [йирми]
30 — <i>otuz</i> [отус]
40 — <i>kırk</i> [кырк]
50 — <i>elli</i> [элли]
60 — <i>altmış</i> [алтмыш]
70 — <i>yetmiş</i> [йетмиш]
80 — <i>seksten</i> [сексен]
90 — <i>doksan</i> [доксан]
Особые числительные:
0 — <i>sıfır</i> [сыфыр]
100 — <i>yüz</i> [йюз]
1000 — <i>bin</i> [бин]

В турецком языке числовая система включает как стандартные единичные и десятковые числительные, так и уникальные формы для обозначения чисел, таких как ноль, сто и тысяча.

Слово «*sıfır*» [сыфыр] в турецком языке, обозначающее «ноль», нередко используется для обозначения новых, недавно приобретённых предметов. Подобное значение в русском языке может быть выражено с помощью неформального термина «нулевой», который также указывает на вещь, находящуюся в первозданном, незавершённом или только что приобретённом состоянии. Оба выражения служат для обозначения состояния объекта, не имеющего следов использования или износа, подчеркивая его новизну [1].

Числительное *bir* играет ключевую роль в словообразовательных процессах как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Оно служит основой для формирования слов различных знаменательных частей речи, однако его продуктивность в этом процессе варьируется. В основном с его помощью образуются прилагательные, затем существительные, наречия, глаголы и местоимения, причем некоторые из них обладают многозначностью. Кроме того, *bir* используется для обозначения предмета, который ранее не был известен, подчеркивая его неопределённость или новизну в контексте [10, с. 147]. Фраза «*Evimin penceresinden bir kız gördüm*» («Я увидел одну девушку через окно своего дома») иллюстрирует употребление числительного в контексте неопределённого объекта, где числительное «*bir*» функционирует как указание на единичность и неопределённость субъекта. В данном случае предполагается, что собеседник ранее не имел представления о данной личности, что подчёркивает неопределённость и отсутствие конкретной идентификации объекта в речи. Такое использование числительного в контексте, где объект не был заранее упомянут или не имеет конкретной идентификации, характерно для выражения новизны информации в предложении.

Слово «*yüz*» [йюз] в турецком языке имеет несколько значений, включая «сто», «лицо» и императивную форму глагола «плыть». Это слово демонстрирует многозначность, и в зависимости от контекста его перевод может варьироваться. Следовательно, при встрече с этим словом в тексте важно учитывать особенности контекста, чтобы выбрать наиболее подходящее значение. Также стоит отметить, что при произнесении сложных чисел в турецком языке использование термина для сотен становится актуальным начиная с двух-

сот, что отражает особенности числовой системы и грамматической структуры языка.

В сложных количественных числительных числа высшего порядка: 11=*on bir*, 25=*yirmi beş*, 137=*yüz otuz yedi*; 1978=*bin dokuz yüz yetmiş sekiz*, 2.346.895=*iki milyon üç yüz kırk altı bin sekiz yüz doksan beş*.

Число 107 выражается как «*yüz yedi*» [йюз йеди], при этом слово «*bir*» [бир] не используется. В отличие от этого, число 265 обозначается как «*iki yüz altmış beş*» [ики йюз алтмыш беш] – два сто шестьдесят пять. Такая же закономерность сохраняется и для более крупных чисел, таких как тысячи и десятки тысяч.

Правила формирования сложных чисел в турецком языке имеют простую структуру:

Сначала указывается количество тысяч, затем – сотен, после этого – десятков, и, наконец, называются единицы. Например, число 1354 записывается как *bin üç yüz elli dört* [бин юч йюз элли дёрт], а число 7023 – как *yedi bin yirmi üç* [йеди бин йирми юч].

Стоит отметить, что количественное числительное в определенной функции, как всякое определение, предшествует своему определяемому, причем определяемое или сохраняет форму единственного числа: *beş kitap* – пять книг; или принимает аффикс множественного числа: *Üç silâhşorlar* – три мушкетера. Числительные в турецком языке обычно стоят перед существительными и не требуют изменения существительного в форму множественного числа.

Запрет на употребление существительного в форме множественного числа в сочетании с числительными объясняется тем, что в турецком языке, как и в других тюркских языках, форме единственного числа свойственно значение собирательности, а собирательные находятся вне категории числа. Поэтому в таких конструкциях существительное обязательно должно употребляться в форме единственного числа, так как отдельно взятое существительное в единственном числе может обозначать как один предмет, так и весь класс предметов [3, с. 38].

Так же в турецком языке числительное (определение) и существительное (определяемое) могут употребляться дистантно, т.е. между ними возможна вставка других слов. «*Beş kitap*» – пять книг – «*beş ilginç kitap*» – пять интересных книг [3, с. 37].

Имена числительные в турецком языке также имеют свои особенности: они связываются с существительным путем примыкания, причем

имена существительные обычно имеют форму единственного числа [9, с. 178].

Между количественными числительными и существительными могут вставляться специальные пояснительные слова: *baş* ‘голова (о животных)’: *on baş inek* ‘десять голов коров’; *adet* ‘штука (об отдельных предметах): *beş adet araba* ‘пять штук экипажей’.

Количественные числительные, употребленные без определяемого, т.е. самостоятельно, субстантивируются, и тогда изменяются по всем грамматическим категориям, свойственными имени существительному: *Üçler konferansı* (конференция [Большой] тройки).

Порядковые числительные – обозначают порядковый номер и отвечают на вопросы *kaçıncı?* или *hangi(-si)?* (какой? который по порядку?) и формируются путем добавления суффикса *-inci/-ıncı, -üncü/-uncü* [1, с. 63]. Если числительное заканчивается на гласный, то аффикс будет без начального гласного *-ncı, -ncı, ncı, -ncü* [10, с. 123].

Аффиксы меняются в соответствии с гармонией гласных: *birinci* (первый), *ikinci* (второй), *üçüncü* (третий).

Все они принимают аффикс множественного числа *-lar, -ler*, но при этом происходит их субстантивирование, т.е. они выступают в роли имен существительных: *birinçiler* «первые», *onunçular* «десятые», *yüzünçüler* «сотые» [4, с. 4].

Запрет на употребление аффикса множественного числа не распространяется на числовые конструкции, содержащие порядковое числительное. При этом данный аффикс придает конструкции объединительное значение: *Üçüncü sınıflar-* третьи классы [3, с. 38].

Как показано, сложные числительные в турецком языке формируются путём добавления соответствующего окончания к основе, обозначающей цифру. Однако согласно грамматическим правилам, эти окончания не используются при записи дат или годов.

Так, дата 25 марта в турецком языке будет записана как *yirmi beş mart*, а год 1956- как *bin dokuz yüz elli altı*, где окончания для числительных отсутствуют.

Дробные числительные – знаменатель дроби становится в местном падеже и произносится первым (*yarım-* половина, *çeyrek-* четверть).

Для обозначения дробей используются числительные вместе со словами *bir* (один) и *bölü* (делить): *üçte bir* (одна треть), *dörtte iki* (две четвертых).

Разделительные числительные- образуются с помощью аффикса.: *-şar / -şer-* при гласных осно-

вах; *-ar / -er-* при согласных основах: *birer* «по одному», *ikişer* «по два», *üçer* «по три», *dörtler* «по четыре», *beşer* «по пять», *altışar* «по шесть», *yedişer* «по семь», *sekizer* «по восемь», *dokuzar* «по девять», *onar* «по десять», *yirmişer* «по двадцать», *otuzar* «по тридцать», *kırkar* «по сорок», *ellişer* «по пятьдесят», *yüzer* «по сто», *miner* «по тысяче» [4, с. 4].

Неопределённые числительные – разряд числительных, обозначающих неопределённое количество предметов или приблизительный подсчет их; этот разряд числительных выражается: 1) словами *birkaç* несколько, *çok* – много, *az* – мало, *biraz* – немного, *birçok* – довольно много. 2) афф. *-sa* в сочетании с формой множественного числа количественных числительных: *onlarca kitap-* десятки книг. 3) сочетанием количественных числительных: один-два шага [5, с. 166].

2. Структура множественного числа

Множественное число – это способ выражения количества объектов, превышающего единицу. Эта категория присуща многим языкам, но выражается она по-разному. Турецкий язык является агглютинативным, поэтому множественное число формируется при помощи присоединения аффикса.

Существительное относится к одному объекту в его обычной форме, без каких-либо аффиксов. Эта первичная форма существительного называется формой единственного числа. Чтобы выразить, что число объектов, к которым относится существительное, больше одного, форма множественного числа существительного образуется путем добавления аффикса к форме единственного числа. В турецком языке с древних времен используются аффиксы множественного числа *-lar, -ler* *dir: ağaç-lar, çi-gek-ler, eski-ler.*

Аффикс множественного числа не связывает существительное, к которому он присоединяется, с другими словами. Другими словами, это не суффикс отношения слов, который устанавливает связи между словами. В этом отношении он занимает иное место по сравнению с другими аффиксами существительных, которые являются реляционными суффиксами, а именно притяжательными, падежными и вопросительными суффиксами [6, с. 349].

Аффикс МЧ (*-lar*) может присоединяться к существительным (*araba – arabalar* ‘машина – машины’), личным местоимениям (*siz – sizler* ‘вы – вы’ / для выражения экспрессивных оттенков/), вопросительным местоимениям (*kim – kimler* ‘кто /ед.ч./ – кто /мн.ч./’), неопределённым местоимениям (*kimse – kimseler* ‘кто-то’), прилагательным (*büyük – büyükler* ‘большой – великие, взрослые’) и

послелогу *gibi* в субстантивированной форме (*onun gibisi – onun gibileri* ‘подобный ему – подобные ему’) [2, с. 90]. Турецкий язык подчиняется закону гармонии гласных, согласно которому выбор суффикса зависит от типа гласных в основе:

Если в основе слова преобладают твердые гласные (*a, ı, o, u*), используется суффикс *-lar*.

Пример:

kitap (книга) → *kitaplar* (книги)

araba (машина) → *arabalar* (машины)

Если в основе слова преобладают мягкие гласные (*e, i, ö, ü*), используется суффикс *-ler*.

Пример:

ev (дом) → *evler* (дома)

köy (деревня) → *köyler* (деревни)

Заемствованные слова:

Даже заимствованные слова подчиняются этому правилу. Например:

taksi (такси) → *taksiler* (такси).

Притяжательные формы:

Если существительное употребляется с притяжательным суффиксом, множественное число обычно сохраняется.

Пример: *çocuk* (ребенок) → *çocuklar* (дети) → *çocuklarım* (мои дети).

Выводы

Исследование категории числительных в турецком языке показало их сложную и

многоаспектную природу, охватывающую морфологические, синтаксические и семантические характеристики. Анализ различных разрядов числительных (количественных, порядковых, дробных, разделительных, неопределённых и собирательных) позволил выявить их особенности взаимодействия с существительными, включая грамматическое согласование, склонение и синтаксические функции.

Функционально-семантический подход к числительным дал возможность проследить закономерности их употребления в разных контекстах, а детализированный синтаксический анализ выявил их влияние на структуру предложений. Особое внимание было уделено форме числительных во множественном числе и их роли в организации речи.

Полученные результаты способствуют углублённому пониманию категории числительных в турецком языке и могут быть полезны как для теоретической лингвистики, так и для преподавания турецкого языка. Более детализированная классификация числительных, предложенная в ходе исследования, учитывает их семантические и функциональные особенности, что способствует более точному и контекстуально обоснованному их использованию в устной и письменной речи.

Список источников

1. Евсеева А.А., Костанда А.В. История развития числительных в турецком языке // Гуманитарные технологии в современном мире: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Калининград, 17-19 мая 2018 года. Калининград: Западный филиал РАНХиГС, 2018. С. 62 – 64. (дата обращения: 26.11.2024)
2. Оганова Е.А. Категория числа в турецком языке как лингводидактическая проблема. URL: https://istina.msu.ru/download/494970146/1sWHwS:B4zA5QG3M_4jly_097QCFh9iJ7U/ С. 90 (дата обращения: 23.11.2024)
3. Зарбалиев Х.М. Типология числительных и числовых конструкций [сайт]. URL: <https://cheloveknauka.com/v/552818/a/#?page=37> С. 37 – 38. (дата обращения: 20.11.2024)
4. Кадыров Р.С. Множественное число в системе числительных турецкого языка // Научный вестник Крыма. 2019. № 5 (23). С. 4. (дата обращения 12.11.2024)
5. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во Академии наук, 1956. С. 166.
6. Мухаррем Эргин Турецкая грамматика // Для кафедр турецкого языка и литературы литературно-педагогических факультетов. 2009. С. 349.
7. Порядковые числительные в турецком языке [сайт]. URL: <https://turkishlang.info/ru/ordinals/> (дата обращения: 27.11.2024)
8. Цифры на турецком языке [сайт]. URL: <http://turkish.by/cifry-na-tureckom-yazyke/> (дата обращения 10.11.2024)

9. Шафигуллина Л.Ш. Грамматические категории современного турецкого языка: методические особенности преподавания на начальном этапе обучения // Минбар. Исламские исследования. 2014. Т. 7. № 2. С. 174 – 182. (дата обращения: 18.11.2024)

10. Тагиева Э.И. Особенности лексем, образованных с помощью числительного bir «один», в современном азербайджанском языке [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-leksem-obrazovannyh-s-pomoschyu-chislitelnogo-bir-odin-v-sovremennom-azerbaydzhanskom-yazyke/viewer> С. 123 – 147. (дата обращения: 20.11.2024)

References

1. Evseeva A.A., Kostanda A.V. History of the development of numerals in the Turkish language. Humanitarian technologies in the modern world: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Kaliningrad, May 17-19, 2018. Kaliningrad: Western branch of RANEPa, 2018. P. 62 – 64. (date of access: 26.11.2024)

2. Oganova E.A. The category of number in the Turkish language as a linguodidactic problem. URL: https://istina.msu.ru/download/494970146/1sWHwS:B4zA5QG3M_4jly_097QCFh9iJ7U/ P. 90 (date of access: 23.11.2024)

3. Zarbaliyev H.M. Typology of numerals and numerical constructions [website]. URL: <https://cheloveknauka.com/v/552818/a#?page=37> Pp. 37 – 38. (date of access: 20.11.2024)

4. Kadyrov R.S. Plural in the system of numerals of the Turkish language. Scientific Bulletin of Crimea. 2019. No. 5 (23). P. 4. (date of access 12.11.2024)

5. Kononov A.N. Grammar of the modern Turkish literary language. M.-L.: Publishing house of the Academy of Sciences, 1956. P. 166.

6. Muharrem Ergin Turkish grammar. For the departments of Turkish language and literature of literary and pedagogical faculties. 2009. P. 349.

7. Ordinal numerals in Turkish [website]. URL: <https://turkishlang.info/ru/ordinals/> (date of access: 27.11.2024)

8. Numbers in Turkish [website]. URL: <http://turkish.by/cifry-na-tureckom-yazyke/> (date of access: 10.11.2024)

9. Shafigullina L.Sh. Grammatical categories of the modern Turkish language: methodological features of teaching at the initial stage of training. Minbar. Islamic studies. 2014. Vol. 7. No. 2. P. 174 – 182. (date of access: 18.11.2024)

10. Tagieva E.I. Features of lexemes formed with the help of the numeral bir "one" in the modern Azerbaijani language [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-leksem-obrazovannyh-s-pomoschyu-chislitelnogo-bir-odin-v-sovremennom-azerbaydzhanskom-yazyke/viewer> P. 123 – 147. (date of access: 20.11.2024)

Информация об авторах

Омарова А.О., Дагестанский государственный университет, albinaoma2457@gmail.com

Кадыров Р.С., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, gus-kadir@yandex.ru

© Омарова А.О., Кадыров Р.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81'276.6

Крымские реалии в путевых записках Обри де ля Мотре

¹ Белогуб В.З., ¹ Долгополова Л.А.,

¹ Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова

Аннотация: в статье рассматриваются особенности передачи реалий «чужой» лингвокультуры на родной язык на определенном этапе исторического развития. Материалом исследования послужили путевые записки французского и британского путешественника Обри де ля Мотре о его путешествии на полуостров Крым в 1712 году и опубликованные на английском языке в 1724 году. Образ полуострова, созданный Обри де ля Мотре, характеризуется мозаичностью, сочетая в себе географические, исторические, этнографические и субъективные элементы. Реалии в его работе представлены топонимами, этнонимами, онимами. Специфика передачи де ля Мотре крымских реалий заключается в употреблении латинских названий известных западным европейцам на тот момент топонимов и транслитерации / транскрипции на английский язык реалий тюркского происхождения. Наибольшую трудность в идентификации составляют имена собственные крымскотатарского происхождения в виду значительных различий фонологической и орфографической базы английского и крымскотатарского языков. Результаты проведенного исследования могут послужить основой для дальнейшего исследования способов воспроизведения крымских реалий в западноевропейских языках в различные исторические периоды, а также сравнительно-исторического анализа возможностей передачи «чужих» реалий в различных лингвокультурах.

Ключевые слова: Обри де ля Мотре, Крым, травелог, реалия, топоним, этноним, ойконим, оним

Для цитирования: Белогуб В.З., Долгополова Л.А. Крымские реалии в путевых записках Обри де ля Мотре // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 24 – 30.

Поступила в редакцию: 20 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 22 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Crimean realities in the travel notes of Aubrey de la Mothre

¹ Belogub V.Z., ¹ Dolgopolova L.A.,

¹ Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov

Abstract: the article examines the peculiarities of transferring the realities of a "foreign" linguistic culture into their native language at a certain stage of historical development. The research material was travel notes by the French and British traveller Aubrey de la Mothre about his trip to the Crimean Peninsula in 1712 and published in English in 1724. The image of the peninsula created by Aubrey de la Mothre is characterised by mosaic, combining geographical, historical, ethnographic and subjective elements. The realities in his work are represented by toponyms, ethnonyms, onyms. The specifics of de la Mothre's transfer of Crimean realities are the use of Latin names of toponyms known to Western Europeans at that time and transliteration/transcription into English of realities of Turkic origin. Proper names of Crimean Tatar origin are the most difficult to identify due to the significant differences in the phonological and spelling bases of the English and Crimean Tatar languages. The results of the study can serve as a basis for further research on ways to reproduce Crimean realities in Western European languages in various historical periods, as well as a comparative historical analysis of the possibilities of transmitting "alien" realities in various linguistic cultures.

Keywords: Aubrey de la Mothre, Crimea, travelogue, reality, toponym, ethnonym, oikonym, onym

For citation: Belogub V.Z., Dolgoplova L.A. Crimean realities in the travel notes of Aubrey de la Motre. Philological Bulletin. 2025. 4 (2). P. 24 – 30.

The article was submitted: December 20, 2024; Approved after reviewing: February 22, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Реалии являются частью культурного наследия народа, в которой отражается вся история его становления. Способом фиксации реалий, а также их сохранения и передачи, безусловно, является язык. В условиях возрастания языковых контактов между различными лингвокультурами все большую актуальность приобретают исследования, направленные, с одной стороны, на изучение способов и механизмов именованности реалий в родном языке, с другой стороны, на выявление особенностей их восприятия и передачи представителями другой лингвокультуры. Синхронный срез способов воспроизведения «чужих» реалий в родном языке помогает воссоздать историческую обстановку лингвокультурного трансфера.

Материалы и методы исследований

Материалом данного исследования послужили путевые записки французского и британского учёного Обри де ля Мотре, посетившего в 1711-1712 годах полуостров Крым. Выбор материала обусловлен следующими причинами:

- путевые записки де ля Мотре, вышедшие в свет спустя 10 лет после его путешествия, опубликованы на английском языке, а затем на французском языке, с незначительными различиями между изданиями, что позволяет провести сравнительный анализ средств выражения реалий в различных языках;

- материал, изложенный де ля Мотре, даёт четкое представление о культурно-исторических и географических особенностях полуострова в начале XVIII века, когда полуостров представлял собой в большей степени terra incognita для западной Европы;

- англоязычные путевые записки Обри де ля Мотре являются одним из первых источников о реалиях Крыма, написанных на одном из европейских языков, в то время как, предыдущие сведения были опубликованы преимущественно на латинском языке, как, напр., Гильома де Рубрука, Ожье Гислена де Бусбека и пр. Данный факт позволяет в дальнейшем провести сравнительный анализ способов передачи крымских реалий в англоязычных источниках в различные исторические периоды.

В ходе исследования были использованы методы сплошной выборки для отбора материала; в целях выявления особенностей передачи крымских реалий на английский язык XVIII века при-

менялся сравнительно-исторический метод и метод тематической классификации.

Результаты и обсуждения

Крым в различные исторические периоды находился в центре внимания европейцев, долгое время оставаясь для них малоизученным регионом, богатым своей историей и природой. Наибольший всплеск интереса к полуострову приходится на период его вхождения в состав Российской империи. В это время выходит широко известный труд П.С. Палласа «Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthaltschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794», который представляет, в первую очередь, топонимику полуострова, описание его природы, народов. Однако, еще в начале XVIII века полуостров посещает французский и британский путешественник Обри де ля Мотре, запечатлевший в своем травелогическом описании Крыма, которое позволяет составить четкое представление об особенностях и состоянии полуострова в начале XVIII века, что способствует формированию достоверных знаний о регионе в дальнейшем [12, с. 114].

Его путевые заметки «A de la Motraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa, with proper Cutts and Maps» «Путешествия г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке с соответствующими рисунками и картами» [15] выходят в свет спустя 10 лет после его путешествия в 1724 году на английском языке. Публикация этих записей сообщает о богатом прошлом полуострова Крым золотоордынской и османской эпохи и представляет тем самым значительный интерес для различных научных дисциплин, включая историю, культурологию, этнографию. Лингвистический интерес к подобному рода записям обусловлен, прежде всего тем, что автор достаточно подробно описывает реалии полуострова, большинство из которых – топонимы и этнонимы преимущественно крымскотатарского или греческого происхождения.

Реалии являются обязательной составляющей лингвоментальной картины мира народа, которые отражают специфику его восприятия окружающего мира. Повышенный интерес к изучению реалий проявился во середине прошлого века и был связан в первую очередь с разработкой теории перевода. В этот период реалии рассматривались как безэквивалентная лексика, требующая специфиче-

ских приемов ее перевода и владения переводчиком фоновых знаний (Л.С. Бархударов, А.В. Федоров и др.). Под реалией понимались «лексические единицы национального языка, обозначающие уникальные референты, присущие и свойственные определенной лингвокультуре, при этом отсутствующие в сопоставляемой» [13, с. 185].

В конце XX века реалия становится объектом лингвокультурологических исследований, где она рассматривается во взаимосвязи с культурой [4]. Уточнение статуса реалий проводят сначала к разграничению таких понятий как реалия-слово и реалия-вещь [7, с. 102], а затем к созданию / появлению трехчастной системы терминов как R-реалия (предмет действительности, С-реалия (идеальный эквивалент среды обитания социума) и L-реалия (средство номинации культурного концепта) [6, с. 10].

Неоднородность реалий послужила основой для их многочисленных классификаций, среди которых наиболее популярными в лингвистических исследованиях являются классификация Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, С. Влахова и С. Флорина и др. Сегодня проводится изучение отдельных видов реалий [1, 10], в том числе и вымышленных [14]; анализируется лингвистическая и лингвокультурологическая основа их систематизации [5, 8] и др.

В своей работе мы будем придерживаться определения реалии предложенное болгарскими учеными С. Влаховым и С. Флориным, где реалии понимаются как слова или устойчивые словосочетания, которые называют объекты, характерные для жизни в целом, и в частности, быта, культуры, социального контекста одного конкретного народа и чужды другому народу [3, с. 55]. При анализе реалий мы опираемся на классификацию В.С. Виноградова, отражающая в полной мере специфические исторические факты определенного региона [2].

В путевых записках де ля Мотре встречаются топонимы и антропонимы, что в целом соответствует сути травелога. Особенностью его записей является тот факт, что реалии поданы курсивом, что значительно облегчает их поиск.

Рассмотрим подробнее виды реалий, связанные с его пребыванием в Крыму.

Топонимы. В работе де ля Мотре встречаются макротопоним *Крым*, ойконимы, гидронимы и ороним.

- макротопоним (название полуострова). Наиболее часто употребляемым является сочетание *Crim Tartary* 'Крымская Тартария', напр.: *was fending into Crim Tartary to buy Horses* [15, с. 21] 'направлялся в Крымскую Тартарию, чтобы ку-

пить лошадей' (здесь и далее перевод авторов В.Б. и Л.Д.). Использование топонима *Tartaria* для обозначения обширных восточных областей народов, попавших когда-либо под влияние монголов, было распространенным для западноевропейской литературы и картографии с XIII до XIX вв. Очевидно, географический маркер «Крымская» выполняло функцию идентификации региона. На это указывают употребляемые де ля Мотре топонимы соседних регионов *Akerman Tartary* 'Акерманская тартария', *Ozakovian Tartary* 'Очаковская Тартария', *Noghaian Tartary* 'Ногайская Тартария' [15, с. 21].

Де ля Мотре использует также краткую форму сочетания *Crim* и современное английское название *Crimea: Crimea or Crim, the modern name of the whole Peninsula* 'Crimea или Crim современное название всего полуострова' [22]. Форма *Crim* скорее всего латинского происхождения и связана с доминированием в то время латинского языка для обозначения географических объектов. Так, в работе де ля Мотре в значении «полуостров» используется латинское заимствование *paeninsula: Peninsula Crim* 'полуостров Крым'.

Кроме этого, путешественник использует исторические названия полуострова *Taurica Chersonesus* 'Херсонес Таврический' и *Scythia* 'Скифия', *Cimmeria* 'Киммерия'. Эти топонимы также латинского происхождения.

- ойконимы. В числе первых ойконимов в путевом дневнике де ля Мотре упоминается *Precop* 'Перекоп', город, находящийся на Перекопском перешейке. По мнению П. Палласа, его название имеет славянское происхождение [9]. Де ля Мотре называет его название, употребляемое местными жителями: *at the town, call'd by us Precop, by the Inhabitants Hor or Horcapi, where Strabo places Cimmeria* 'в город, который мы называем Прекоп, а местные жители – Ор или Оркапи, где Страбон помещает Киммерию' [15, с. 22]. Здесь мы видим также упоминаемое историческое название полуострова *Киммерия*.

Описывая свою беседу с местным жителем-греком Де ля Мотре упоминает топоним *Kuslowe* 'Козлов', прежнее название Евпатории [15, с. 23]. Сам город произвел хорошее впечатление на путешественника. При этом он описал народы, которые его заселяли: *a pretty large Town, well people with both Turks, Tartars, Greeks, Armenians and Jews* [15, с. 23] 'довольно большой город, в котором хорошо проживают турки, татары, греки, армяне и евреи'. Позже он использует другой вариант топонима *Kesleve* 'Кезлев / Гезлѐв' [15, с. 36], который был распространен среди крымских татар.

Затем де ля Мотре посещает ханскую столицу *Bacchiserai* 'Бахчисарай', который он описал как 'открытый, скорее длинный, чем широкий город, лежащий меж двух гор': *an open Town, rather long than broad, between two high Mountains* [15, с. 23].

Он также упоминает поселения, которые располагались недалеко от Бахчисарая такие как, как *Neapolis of Scylurus* 'Неаполь Скилурский' [15, с. 27], и *Ackmedgick* 'Ак-мечеть' (28). *Неаполь Скилурский* сегодня известен как *Неаполь Скифский* представлял собой столицу Великой Скифии. Название *Скилурский* указывает на имя царя Скилура, в годы правления которого город стал значимым. Оба поселения сегодня находятся в городской черте Симферополя.

Де ля Мотре называет также топонимы *Caffa* 'Каффа' и его историческое название *Theodosius* 'Феодосия' [15, с. 33]; *Carasou* 'Карасу' [15, с. 31] (очевидно, *Карасубазар*), *Sudac* 'Судак' [15, с. 33]. При посещении окрестностей Бахчисарая он описывает город-крепость *Mancop* 'Мангуп', расположенный на горе: *Mancop, which is above two Leagues from it, as well as that, only Jews for Inhabitants* 'Манкоп, который находится больше двух лье от сюда, и населен только евреями' [15, с. 28].

Путешественник достаточно подробно представляет населенный пункт *Callati* [15, с. 35], который сегодня трудно идентифицировать, хотя де ля Мотре при его описании ссылается на Страбона: *Callati is a little inconsiderable Town, or rather a miserable Village, having only a Castle almost entirely ruin'd; Strabo has placed its Port in the Number of good ones* 'Каллати – маленький, неприметный городок, или, скорее, жалкая деревушка, в которой есть только замок, почти полностью разрушенный; Страбон считает его хорошим портом' [15, с. 35]. Можно предположить, что речь идет об искаженном де ля Мотре топониме *Каллита* 'Ялта' [11, с. 209], которое часто встречается в документах и картах XIV века. В пользу этого факта свидетельствует упоминание местечка *Thousla: I stop'd in my way, about half an Hour, to see the Salt-Pans I stop'd in my way, about half an Hour, to see the Salt-Pans* 'Я остановился по пути примерно на полчаса, чтобы посмотреть солончаки'. В то время недалеко от Ялты находился населенный пункт Тузлер / Тюзлер (сегодня – Высокогорное).

Отметим также и необычную форму топонима *Guerche*: 'Керчь': *I dined the Day following at Guerche, another Sea-port Town, which a Castle not so ruined, and a little better Harbour than Callati, where lay some Galleys* 'На следующий день я обедал в Керчи, еще одном морском портовом городе, в котором замок не так сильно разрушен, и в гавани чуть лучше, чем в Каллати, где стояло не-

сколько галер' [15, с. 35]. Известно, что более ранние названия этого города звучали как *Cerchio* / *Cherz*, когда он входил в Генуэзскую Газарию и Венецианской Республики. В составе Османской империи он стал именоваться *Керчь*. Де ля Мотре, очевидно, для его передачи на французский язык использовал транскрипцию.

- гидронимы. Чаще всего в записях де ля Мотре встречается название Черного моря, передаваемое на английском языке как *Black Sea*, что полностью соответствует правописанию современного английского языка. Он также упоминает его местное название *Cara-Degniz* 'Кара Дениз', распространенное среди крымских татар [15, с. 36].

Среди других гидронимов упоминаются название реки *Belbeck* 'Бельбек' [15, с. 28] и одного из ее притоков *Cathick* 'Качик': *By the Side of that Palace Wall runs a clear Stream, which is not considerable enough to be term'd a River, but uniting its Waters with others, forms the little Rivulet Catchick and being enlarged by other Brooks* 'Рядом с этой дворцовой стеной протекает чистый ручей, который недостаточно велик, чтобы называться рекой, но, соединяясь со своими водами, образует небольшой ручеек Качик, который расширяется за счет других ручьев' [15, с. 28]. Такое же название *Качик* или *Бельбек*, по данным де ля Мотре, носил и сорт винограда, прораставший в долине реки.

В начале своей поездки по полуострову путешественник употребляет гидроним латинского происхождения *Biceps Palus* 'двуглавое болото' (сегодня: озеро Сиваш): *his Revenues arise out of some Salt-Pits not far from the Town, towards Biceps Palus*, Его доходы складывают несколько солеварень, находившиеся недалеко от города, по направлению к *Biceps Palus* [15, с. 22].

- оронимы. Среди названий крымских гор де ля Мотре упоминает только ороним *Trapezus*, древнее название горы Чатырдаг [15, с. 23].

Антропонимы. В своем путевом дневнике де ля Мотре употребляет этнонимы, онимы, профессионализмы и др. Среди жителей полуострова он называет такие этнические группы, как *Turks* 'турки', *Tartars* 'татары', *Greeks* 'греки', *Armenians* 'армяне', *Jews* 'евреи', *Cossacks* 'казаки' и ранее живущие народы *Dacians* 'даки', *Getes* 'готы', *Skytes* 'скифы'; также пишет о *Noghaians* 'ногайцы', *Circassians* 'черкесы', *Muscovite* 'московиты', *Hungarians* 'венгры', *Moldavians* 'молдаване', *Walachians* 'валахи' и др. В начале своего описания он упоминает этноним *Lipka* с последующим объяснением *a Lithuanian Turk of those that were at Caminick when the Turks had it* 'Липка – литовский турок, из тех, что были в Каминике, когда он при-

надлежал туркам' [15, с. 21]. Скорее всего, этот этноним был мало знаком европейцам.

Среди профессионалов, характерных для полуострова того времени, встречаются *Han* 'хан', *Basbaw* 'паша', *Janizaries* 'янычары', *Myrsa* 'мурза', *Visier* 'визирь', *Eunuchs* 'евнухи', *Odalicks* 'одалиски', *Seymens* 'сеймены, охранники хана' и др., которые отображали государственное устройство полуострова.

Среди онимов встречаются имена собственные сыновей хана: *Sultan Galga*, *Noradin Bey*, *Horbay* 'Орбей': *His oldest Son is call'd Sultan Galga...*; *the second Horbay*, *Lord of Hor...*; *the third Noradin Bey* 'Самого старшего сына звали Султан Галга (Калга), второго Орбей – владельца Ора (Перекопа); третьего Норадин Бей' [15, с. 25]; имена глав четырех самых влиятельных семей *Ghereim Myrsa* 'Герейм мурза', *Zidgiut Myrsa* 'Зиджут мурза', *Manssir Mursa* 'Мансир мурза', *Kaiba Myrsa* 'Каиба мурза' и хана *Chirinbey* 'Ширинбей' [15, с. 25] и др. В мусульманской среде ребенка, рожденного от раба, называли *Yeffir Oglou* 'Ефир оглы' (очевидно, искаженное от арабского *кафир* 'неверный'), *Son of a Slave* 'сын раба', *Guiaour Kan* 'гяур хан', *Blood of an Infidel* 'Кровь неверного' [15, с. 25].

Кроме того, путешественник нередко отсылает к известным персонам, чьи имена связаны с Крымом в различные исторические эпохи, напр., *Strabo* 'Страбон', *Ptolemy* 'Птоломей', *Mithridates* 'Митридат', *Prince Galliczin* 'князь Голицин'; а также имена тех, кто помог де ля Мотре организовать его путешествие в Крым: *King Stanislaus* 'король Станислав', *Mr. Wranghel* 'г-н Врангель' и др.

В работе де ля Мотре встречаются этнографические реалии, как одежда *Cirkass Yapungi* [15, с. 26] 'черкесская япунжи / бурка'; название монет *Beschelick* 'бешелык/бешлык (мелкая монета)', *Aspres* 'акче', названия местных блюд *Shorba* 'шурпа': *Shorba; a Composition of Meat boil'd with Wheat, Barley or Cummin, to which the Richer sort add Spice and Butter, and it is the best, most esteemed and most general Dish among the Tartars* 'шурпа – блюдо из мяса, отваренного с пшеницей, ячменем или тмином, к которому более богатые люди добавляют специи и сливочное масло, и это самое лучшее, почитаемое и распространенное блюдо у татар'; *Boza* 'буза (густой беловатый напиток, состоящий из некоторого количества просяной муки и воды)', *Talcan* 'талкан / толокно'.

Де ля Мотре упоминает также местное название архитектурного сооружения *Kale* 'крепость', которое часто встречается в названиях многочисленных построек, напр., *Jegni Kale* 'Ени-кале (Но-

вая крепость)'. Как мы видим, для передачи онимов и этнографических реалий де ля Мотре использует транслитерацию / транскрипцию.

Выводы

Таким образом, описание Крымского полуострова, опубликованное путешественником Обри де ля Мотре в начале XVIII века, представляет собой источник, содержащий уникальные сведения о крымской жизни того времени. Представленные де ля Мотре реалии полуострова включают топонимику и антропонимы, что в целом характерно для травелога. Среди топонимов доминируют ойконимы – названия крупных населенных пунктов, которые посетил де ля Мотре. Упоминаются также названия полуострова, водоемов и горы. Путешественник использует при этом устоявшиеся в западноевропейской культуре названия, если речь идет о макротопонимах *Crim Tartary* 'Крымская Тартария', *Taurica Chersonesus* 'Херсонес Таврический', *Scythia* 'Скифия', *Cimmeria* 'Киммерия'; ойконимах *Precop* 'Перекоп', *Caffa* 'Каффа', *Theodosius* 'Феодосия'; гидронимах *Black Sea* 'Черное море', *Belbeck* 'Бельбек', *Biceps Palus* 'двуглавое болото (Сиваш)' и орониме *Trapezus* 'Чатырдаг'. Де ля Мотре использует при этом латинские названия как *Taurica Chersonesus*, *Scythia*, *Cimmeria*, *Theodosius*, *Biceps Palus*, *Trapezus* и др., английские – *Black Sea*, смешанные (сочетание латинского и английского) – *Neapolis of Scylurus*. Для передачи малоизвестных топонимов путешественник прибегает к транскрипции или транслитерации – *Kallati*, *Thousla* и др.

Среди антропонимов в работе де ля Мотре представлены этнонимы, онимы и профессионализмы. При их передаче на английский язык он использует транскрипцию или транслитерацию. Несоответствие фонетической и орфографической базы английского языка и тюркских языков (турецкого и крымскотатарского) усложнило передачу экзотических для западного европейца названий, что в дальнейшем вызывает затруднение в их идентификации, как напр., *Aspres* 'акче', *Cirkass Yapungi* 'черкесская япунжи / бурка', *Guiaour Kan* 'гяур хан', *Zidgiut Myrsa* 'Зиджут мурза', *Yeffir Oglou* 'Ефир оглы' и др.

Стоит отметить, что именно реалии в работе де ля Мотре способствуют передаче исторической обстановки полуострова, показав его этническую и топонимическую специфику. Его путевые записки могут стать исходным пунктом для дальнейшего исследования изменений в восприятии и передаче крымских реалий представителями западных лингвокультур.

Список источников

1. Беленов Н.В. Принципы и методы топонимических исследований // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 224 – 228.
2. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 172 с.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
4. Воронцова Ю.В. Лингвокультурные реалии. Определения и классификации // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17. № 1 (19). Ч. 2. С. 59 – 61.
5. Демонова Ю.М., Лавриненко В.А., Кемечеджиева В.П. Реалии как лингвистическое явление // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2021. № 1. С. 144 – 153
6. Кретов А.А., Фененко Н.А. Лингвистическая теория реалии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 7 – 13.
7. Лилюкович О.С. Реалии в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 101 – 104.
8. Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. 2005. № 11. С. 155 – 161.
9. Паллас П. Краткое физическое и топографическое описание Таврической области: пер. с фр. И. Рижского. С.-Петербург: Императорская типография, 1795. 75 с.
10. Поляков А.С. К вопросу о содержании понятия «этноним» // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 4. С. 125 – 129.
11. Топонимика Крыма. Выпуск 4. Топонимикон Крыма И. Л. Белянского / Под ред. Ю.А. Беляева. Симферополь: Орианда, 2022. 708 с.
12. Храпунов Н.И. Британские путешественники о крымских татарах и Крымском ханстве // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 114 – 131.
13. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 214 с.
14. Юсупов Х.У. Адаптация текста антиутопии при переводе вымышленных реалий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 3. С. 130 – 140.
15. Mothraye A. de la. A. de la Mothraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.

References

1. Belenov N.V. Principles and methods of toponymic research. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2019. Vol. 12. Issue. 4. P. 224 – 228.
2. Vinogradov V.S. Lexical issues in translating fiction. Moscow: Moscow University Press, 1978. 172 p.
3. Vlahov S., Florin S. The untranslatable in translation. Moscow: Higher School, 1986. 416 p.
4. Vorontsova Yu.V. Linguocultural realities. Definitions and classifications. Student science and the 21st century. 2020. Vol. 17. No. 1 (19). Part 2. P. 59 – 61.
5. Demonova Yu.M., Lavrinenko V.A., Kemechedzhieva V.P. Realities as a linguistic phenomenon. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov. 2021. No. 1. P. 144 – 153
6. Kretov A.A., Fenenko N.A. Linguistic theory of realities. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2013. No. 1. P. 7 – 13.
7. Lilikovich O.S. Realities in the domestic and foreign linguistic tradition. Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2015. No. 4. P. 101 – 104.
8. Mosienko L.V. Linguocultural problem of classification of realia. Bulletin of OSU. 2005. No. 11. P. 155 – 161.
9. Pallas P. Brief physical and topographic description of the Tauride region: trans. from French by I. Rizhsky. St. Petersburg: Imperial printing house, 1795. 75 p.
10. Polyakov A.S. On the content of the concept "ethnonym". Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. 2016. No. 4. P. 125 – 129.
11. Toponymy of Crimea. Issue 4. Toponymicon of Crimea by I.L. Belyansky. Ed. by Yu.A. Belyaev. Simferopol: Orianda, 2022. 708 p.
12. Khrapunov N.I. British travelers about the Crimean Tatars and the Crimean Khanate. Crimean Historical Review. 2018. No. 2. P. 114 – 131.
13. Schweitzer A.D. Translation Theory: Status, Problems, Aspects. Moscow: Nauka, 1988. 214 p.

14. Yusupov H.U. Adaptation of the Text of Dystopia in the Translation of Fictional Realities. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2023. No. 3. P. 130 – 140.

15. Mothraye A. de la. A. de la Mothraye's Travels through Europe, Asia, and into Part of Africa. Vol. II. London: [n. p.], 1723. 432 p.

Информация об авторах

Белогуб В.З., аспирант, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, pilieva.v@mail.ru

Долгополова Л.А., доктор филологических наук, профессор, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, lilian2000@mail.ru

© Белогуб В.З., Долгополова Л.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.512.161

История изучения турецкой диалектологии

¹ *Рамазанова П.Н., ¹ Кадыров Р.С.,*

¹ *Дагестанский государственный университет*

Аннотация: наша статья посвящена исследованию этапов становления и развития турецкой диалектологии как научной дисциплины. Рассматриваются основные направления изучения турецких диалектов, начиная с ранних трудов османских и европейских исследователей и заканчивая современными подходами. Благодаря исследованиям в области турецкой диалектологии мы можем получить глубокий взгляд на эволюцию турецкого языка и его взаимосвязь с другими тюркскими языками. Это позволяет ученым не только расширить наше знание о турецком языке, но и сохранить историческое наследие, заложенное в различных диалектах. История изучения турецкой диалектологии имеет богатое и интересное развитие, охватывающее периоды от древности до современности.

Ключевые слова: турецкий язык, диалектология, тюркология, диалекты, классификация диалектов, социолингвистика, история лингвистики, методы исследования

Для цитирования: Рамазанова П.Н., Кадыров Р.С. История изучения турецкой диалектологии // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 31 – 36.

Поступила в редакцию: 22 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 25 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

History of the study of Turkish dialectology

¹ *Ramazanova P.N., ¹ Kadyrov R.S.,*

¹ *Dagestan State University*

Abstract: our article is devoted to the study of the stages of formation and development of Turkish dialectology as a scientific discipline. The main directions of the study of Turkish dialects are considered, starting from the early works of Ottoman and European researchers and ending with modern approaches. Particular attention is paid to the methods of dialect classification, the influence of historical and sociolinguistic factors, as well as the role of digital technologies in modern dialectology.

The study is based on a comparative analysis of key works reflecting the evolution of views on the dialectal diversity of the Turkish language, and allows us to determine the main trends in the development of this field of linguistics.

Keywords: the Turkish language, dialectology, Turkology, dialects, dialect classification, sociolinguistics, history of linguistics, research methods

For citation: Ramazanova P.N., Kadyrov R.S. History of the study of Turkish dialectology. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (2). P. 31 – 36.

The article was submitted: December 22, 2024; Approved after reviewing: February 25, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Изучение турецкой диалектологии не только позволяет детально исследовать лингвистическое разнообразие, но и проследить исторические изменения, которые повлияли на формирование современного турецкого языка. Анализ различных диалектов раскрывает перед исследователями уникальные черты каждого из них, а также помогает понять культурные и исторические факторы, оказавшие влияние на развитие языка.

Благодаря исследованиям в области турецкой диалектологии мы можем получить глубокий взгляд на эволюцию турецкого языка и его взаимосвязь с другими тюркскими языками. Это позволяет ученым не только расширить наше знание о турецком языке, но и сохранить историческое наследие, заложенное в различных диалектах.

Изучение турецкой диалектологии также связано с исследованиями турецкой истории, культуры и этнографии. Ученые изучали влияние других языков на турецкий язык, а также изменения в языковом строе и лексике в результате взаимодействия с другими культурами.

В результате изучения турецкой диалектологии ученые приходят к выводу о богатстве и разнообразии этого языка, его исторических корнях и взаимосвязях с другими языками. Диалектология играет важную роль в сохранении лингвистического наследия и культурного многообразия турецкого народа.

Материалы и методы исследований

Материалом для данной статьи послужила изучение турецкой диалектологии с ключевым аспектом в понимании истории и развития турецкого языка.

Особое внимание уделяется методам классификации диалектов, влиянию исторических и социолингвистических факторов, а также роли цифровых технологий в современной диалектологии.

Исследование базируется на сравнительном анализе ключевых работ, отражающих эволюцию взглядов на диалектное разнообразие турецкого языка, и позволяет определить основные тенденции в развитии данной области лингвистики.

С развитием технологий и методов исследования современные диалектологи могут использовать компьютерные программы для анализа диалектов, сравнения языковых структур и выявления общих черт между различными диалектами. Это позволяет им более глубоко понять многообразие турецкого языка и его эволюцию.

Результаты и обсуждения

С давних времен ученые и исследователи стремились выявить особенности диалектов, лексиче-

ские нюансы и связи между различными региональными вариантами турецкого языка.

История изучения турецкой диалектологии имеет богатое и интересное развитие, охватывающее периоды от древности до современности.

Вот некоторые ключевые моменты и этапы в истории изучения турецкой диалектологии:

1. Древние времена: В древние времена изучение турецкой диалектологии было связано с интересом к языку и культуре тюркских народов. Важнейшим ранним трудом, содержащим сведения о турецких диалектах, является «Диван лугат ат-турк» (1072-1074) Махмуда аль-Кашгари, который впервые представил классификацию тюркских языков и указал на различия между диалектами того времени [1, с. 62] Махмуд аль-Кашгари (1029-1101) – выдающийся тюркский лингвист, филолог и географ, автор «Диван лугат ат-турк» («Словарь тюркских наречий»), написанного в 1072-1074 годах. Этот труд считается одним из первых систематизированных исследований тюркских языков и диалектов.

«Диван лугат ат-турк» состоит из нескольких частей:

1. Лексикографическая часть – включает около 7500 тюркских слов с арабскими переводами и толкованиями.

2. Этнографические и географические сведения – автор описывает расселение тюркских племен и их говоры.

3. Поэтические и фольклорные примеры – приведено множество пословиц, загадок и стихотворных отрывков, демонстрирующих особенности различных тюркских диалектов.

4. Фонетика и грамматика – аль-Кашгари отмечает различия в произношении, морфологии и синтаксисе тюркских наречий.

Значение для турецкой диалектологии

1. Первая попытка классификации диалектов

• Аль-Кашгари выделил различия между тюркскими наречиями и впервые предложил диалектное деление.

• Он указал, что язык огузов (предков современных турок) отличался от языка кипчаков, карлуков и уйгуров.

2. Геолингвистический подход

• В труде представлена первая известная карта тюркских народов, на которой указано расположение различных племен и их языков.

• Автор отмечает, что наиболее «чистый» тюркский язык существовал в районе Баласагуна и Кашгара, а в западных регионах он уже подвергался влиянию арабского и персидского языков.

Этот труд не только описывает лексику и фонетику, но и включает в себя географическое распределение диалектов, что делает его ценным источником для современных исследований [2, с. 123]. Lars Johanson. *Turkic: An Introduction to the Language Family* (1998)

1. Древний Китай: Уже в древние времена империя Хань в Китае вела дипломатические отношения с тюркскими племенами. Китайские ученые и лингвисты изучали язык и диалекты тюркских народов, составляли словари и грамматики.

2. Средневековый Ближний Восток: В средние века исламские ученые и арабские лингвисты также проявляли интерес к тюркским диалектам.

3. Монгольское вторжение: После завоевания монголами большей части Евразии в XIII веке, тюркские племена и народы столкнулись с новыми лингвистическими реалиями.

4. Османская империя: Сбор и анализ диалектной лексики, грамматики и фонетики помогали ученым понять различия и сходства между диалектами разных регионов. Однако в османский период изучение диалектов не получило должного развития, поскольку основное внимание уделялось развитию литературного османского языка [3, с. 65]. В этот период внимания заслуживает работа Геоффри Льюиса “Турецкая языковая реформа: катастрофический успех” (1999). Этот труд посвящен языковой реформе, проведенной в Турции в начале XX века, и ее влиянию на различные аспекты турецкого языка, включая диалектологию.

2. Средние века: В период средних веков турецкий язык стал изучаться более систематически. Особое внимание было уделено изучению диалектов в рамках Османской империи.

3. XIX век: В XIX веке, в период модернизации и реформ в Османской империи, активизировались исследования в области турецкой лингвистики и диалектологии.

1. 1828 год – Турецкий язык был добавлен в учебную программу Санкт-Петербургского университета, что способствовало увеличению интереса к турецкой лингвистике.

2. 1830-1840 годы – Немецкий лингвист Фридрих Людвиг Гейльсхаймер начал изучать турецкий язык и его диалекты, что стало важным вкладом в развитие турецкой диалектологии.

3. 1850-е годы – Французский лингвист Жозеф Мари Леман начал систематически изучать турецкий язык и его диалекты, проводя сравнительный анализ и описывая особенности каждого диалекта.

4. 1860-1870 годы – Основаны первые лингвистические журналы и научные общества, посвященные изучению турецкого языка и его диалек-

тов, что способствовало обмену знаниями и исследованиям.

5. 1880-е годы – В конце XIX века европейские востоковеды начали активно изучать турецкие говоры, что во многом было связано с колониальными и исследовательскими экспедициями [4, с. 122]. Среди первых работ, посвященных турецким диалектам, можно отметить исследования В. Радлова, собравшего обширные материалы по тюркским языкам и диалектам, включая анатолийские [5, с. 232]. Речь идет про работу В. Радлова “Языки тюркских племен Южной Сибири” (1866).

4. XX век: В 20 веке изучение турецкой диалектологии продолжало развиваться, и были сделаны значительные достижения в этой области. Вот несколько конкретных фактов и дат, связанных с развитием турецкой диалектологии в 20 веке:

1. 1920-е годы – Турецкий лингвист Зелим Кун разработал новые методы и подходы к изучению турецких диалектов, что открыло новые перспективы для исследований в этой области. После образования в 1923 году Турецкой Республики стала проводиться политика сближения литературного языка с народным, началась борьба с искоренением заимствованных слов. Идейным вдохновителем выступал глава республики – Кемаль Ататюрк. Нормы обновленного литературного языка формировались на основе диалектов Стамбула и Анкары. Эти меры вошли в историю как «реформа языка». Она прошла в два этапа: реформа алфавита (четвертый год Турецкой Республики) и реформа языка (девятый год Турецкой Республики) [6, с. 87].

2. 1930-е годы – Создание Института языка и литературы при Турецкой академии наук, который стал центром для изучения турецкого языка, его диалектов и истории.

3. 1950-е годы – Разработка первых комплексных атласов и карт турецких диалектов, что помогло визуализировать и классифицировать различные варианты языка. Также важно сказать про преподавание и изучение тюркских языков сибирской группы в Университете Анкары, история которого непосредственно связана с историей Турецкой

Республики, на факультете языка и исторической географии, названном так основателем Турецкой Республики Мустафой Кемалем Ататюрком. А. В. Анохина и опубликовал в работе «История религии древних тюрков». Он также опубликовал такие статьи, как «Beltir Türkleri» (Тюрки Белтира), «Yakut (Saha) Türkleri» (Тюрки Якутии (Саха)), «Tuba (Urenha) Türkleri» (Тюрки Тубы (Урянхая)), «Altay-Yenisey Türkleri» (Тюрки Алтая-Енисея), «Altay ve Yenisey Türklerinin Tarihi»

(История тюрков Алтая и Енисея), «Sagay Türkleri (Abakanlılar)» (Тюрки Сагая (Абаканцы), «Yakut Şamanizmindeki İJA KIII» (Ижа Киил в якутском шаманизме), где рассматриваются этнические корни тюрков Сибири, их история, фольклор и другие темы (İnan, 1968) [7, с. 201].

4. 1970-е годы – Появление первых компьютерных программ для анализа и сравнения турецких диалектов, что значительно ускорило процесс исследований и позволило проводить более точный анализ данных.

5. 1980-е годы – Теории турецкого стиха был посвящён ряд изданий, вышедших в 80-е гг. История формирования и развития форм и размеров турецкого стихосложения – обширное поле для исследования. В фонде БАН находится книга "Теория турецкого стиха в примерах" ("Örneklerle Türk Şiir Bilgisi", 1983) Джем'а Дильчин'а, затрагивающая эти проблемы. Тем же автором в 1983 г. был издан "Новый терминологический словарь" ("Yeni Tarama Sözlüğü") – толковый словарь терминов и османских соответствий [8, с. 66].

6. 1990-е годы – Началось активное изучение турецких диалектов в рамках национальной языковой политики. Создание Турецкого языкового общества (Türk Dil Kurumu) в 1932 году способствовало проведению полевых исследований и составлению первых классификаций анатолийских диалектов [9, с. 74]. Издание публикации Турецкого языкового общества "Каталог официальных публикаций Турецкого языкового общества" (1932) сыграло ключевую роль в систематизации и распространении знаний о турецком языке, включая его диалекты, в период между двумя мировыми войнами, когда Турецкое языковое общество (Türk Dil Kurumu, TDK) активно развивалось. Часть лексики, произведенной таким путем, была предложена в качестве альтернативы заимствованным словам [10, с. 98].

В этот период важные работы по турецкой диалектологии были выполнены Б. Ахмедовым, А. Дилачаром и Т. Гёксу [11, с. 83]. Следует обратить внимание на труд Агопа Дилачара "Особенности и развитие турецкого языка" (1959), в котором автор исследует не только грамматику и лексику турецкого языка, но и особое внимание уделяет его диалектам, их эволюции и особенностям.

Методологические подходы к изучению турецких диалектов также изменялись с течением времени. Если в начале XX века исследования основывались на сравнительно-историческом методе (Doerfer, Gerhard. Zur Stellung der Turksprachen), то в середине века начали активно применяться структурные и генеративные методы анализа (Underhill, Robert. Turkish Grammar and Its

Structure). Герхард Дёрфер был одним из ведущих исследователей тюркских языков в XX веке. В своей работе Zur Stellung der Turksprachen (1974) он рассматривает диалекты и языки тюркской семьи с точки зрения их исторической и генетической классификации [12, с. 143].

А вот Роберт Андерхилл в своей работе Turkish Grammar and Its Structure (1976) представил подробный синтаксический и морфологический анализ турецкого языка. Хотя работа фокусируется на основном (литературном) турецком языке, она также содержит важные сведения о диалектных различиях, которые влияли на структуру и грамматику [13, с. 78].

7. Современность: Подход Андерхилла связан с применением структурных методов, что стало популярным в середине XX века. В отличие от сравнительно-исторического метода, который ориентирован на выявление родства языков, структурный подход фокусируется на анализе синтаксических и морфологических структур, их функциональных особенностях, независимо от происхождения языков. Работа Ларса Йохансона и Эвы Чатó The Turkic Languages (1998) представляет собой обзор всех тюркских языков и диалектов, с особым вниманием к их грамматической структуре, фонетике и лексике [14, с. 50]. В рамках этого исследования авторы рассматривают роль географического положения и социокультурных факторов в развитии турецких диалектов.

Кроме того, значительное влияние на развитие турецкой диалектологии оказали труды зарубежных исследователей, таких как Г. Дёрфер, который изучал огузские диалекты [16, с. 321], и Н. Поппе, занимавшийся сравнительным анализом тюркских языков [17, с. 137]. Герхард Дёрфер (1920-2003) – один из крупнейших немецких тюркологов XX века, известный своими работами по сравнительно-историческому анализу тюркских языков, включая их заимствования и диалектные различия.

В этом труде Дёрфер анализирует основные фонетические, морфологические и лексические различия между огузскими языками и диалектами, включая анатолийские, туркменские, азербайджанские и гагаузские говоры. Он выделяет общие черты, характерные для огузской группы, такие как:

- Утрата начального h – (например, havuç → авуц в некоторых диалектах).

- Фонетические изменения в системе гласных, в том числе переход ü в і в определенных контекстах.

- Синтаксические особенности, такие как порядок слов в простых и сложных предложениях.

Кроме того, Дёрфер уделяет внимание влиянию

соседних языков на развитие огузских диалектов, например, иранских, арабских и славянских заимствований в разных регионах. Его классификация огузских диалектов послужила основой для дальнейших исследований в области турецкой диалектологии [18, с. 312].

Выводы

Сегодня диалектологические исследования продолжают, особенно в связи с процессами урбанизации и миграции, которые изменяют традиционные диалектные ареалы. Кадрие Имер в своей работе *Modern Dialectological Studies in Turkey* (2011) анализирует современные тенденции в изучении турецких диалектов, особенно в контексте урбанизации и миграции. Она отмечает, что интенсивные миграционные процессы, происходившие в Турции на протяжении XX и XXI веков, привели к значительным изменениям в диалектной карте страны.

Основные тезисы работы:

- Урбанизация и нивелирование диалектов: крупные города, такие как Стамбул, Анкара и Измир, стали точками слияния носителей различных диалектов. В результате происходит нивелирование диалектных различий и формирование новых смешанных вариантов речи.
- Влияние образования и СМИ: распространение стандартного турецкого языка через систему

образования, телевидение и интернет приводит к постепенному вытеснению диалектных форм.

Работа Имер подчеркивает необходимость срочного изучения и документирования исчезающих диалектов, поскольку многие из них находятся под угрозой исчезновения из-за глобализации и социальных изменений.

Атлас включает:

- Диалектные карты с географическим распределением различных говоров.
- Фонетические и морфологические особенности диалектов в разных регионах.
- Лексические различия между диалектами, включая архаизмы, заимствования и региональные слова.
- Аудиоархив с образцами речи носителей диалектов, что делает атлас ценным ресурсом для исследователей.

Этот атлас представляет собой важный шаг в документировании исчезающих диалектов, так как многие из них находятся под угрозой исчезновения из-за урбанизации, миграции и воздействия стандартного турецкого языка. Кроме того, он служит основой для дальнейших диалектологических исследований и помогает в разработке методик сохранения региональных разновидностей турецкого языка.

Список источников

1. Андерхилл Р. Грамматика турецкого языка и его структура. Кембридж: Cambridge University Press, 1976. 290 с.
2. Дени Ж. Введение в изучение турецкого языка. Париж: Institut d'Études Orientales, 1921. 275 с.
3. Дилачар А. Особенности и развитие турецкого языка. Стамбул: Турецкое лингвистическое общество, 1959. 200 с.
4. Дёрфер Г. Огузские диалекты и их классификация. Берлин: Mouton de Gruyter, 1983. 280 с.
5. Дёрфер Г. О положении тюркских языков. Висбаден: Harrassowitz, 1974. 350 с.
6. Имэр К. Современные диалектологические исследования в Турции // *Journal of Turkic Studies*. 2011. Т. 19. № 2. С. 45 – 68.
7. Издания Турецкого лингвистического общества в фондах Библиотеки РАН // Российская библиотечная ассоциация. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag10/12.pdf> (дата обращения: 20.11.2024)
8. Изучение и преподавание тюркских диалектов сибирской группы в Университете Анкары // ResearchGate. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/323685206_Izucenie_i_prepodavanie_turkskih_dialektov_sibirskoj_grupy_v_Universitete_Ankary (дата обращения: 13.11.2024)
9. Кашгари Махмуд аль-. Диван лугат ат-турк. 1072 – 1074.
10. Корнфилт Дж. Синтаксис турецкого языка и диалектология. Амстердам: John Benjamins, 2002. 380 с.
11. Льюис, Д. Языковая реформа в Турции: Катастрофический успех. Оксфорд: Oxford University Press, 1999. 240 с.
12. Поппе Н. Сравнительная тюркология. Блумингтон: Indiana University Press, 1965. 310 с.
13. Радлов В. Языки тюркских племён Южной Сибири. Лейпциг: Hirzel, 1866. 500 с.

14. Реформаторская деятельность Турецкого лингвистического общества в период языковой революции в Турции // КиберЛенинка. 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskaya-deyatelnost-turetskogo-lingvisticheskogo-obschestva-v-period-yazykovoy-revolyuitsii-v-turtsii> (дата обращения: 15.11.2024)
15. Турецкий язык // Знание России. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Турецкий_язык (дата обращения: 10.11.2024)
16. Турецкое лингвистическое общество. Атлас диалектов турецкого языка в Турции. Анкара: TDK Yayınları, 2017. 350 с.
17. Турецкое лингвистическое общество. Каталог официальных изданий. Анкара: TDK Yayınları, 1932. 150 с.
18. Юханссон Л. Тюркские языки: Введение в языковую семью. Оксфорд: Oxford University Press, 1998. 320 с.
19. Юханссон Л., Чато Э. Тюркские языки. Лондон: Routledge, 1998. 400 с.

References

1. Underhill R. Turkish Grammar and Structure. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 290 p.
2. Denis J. Introduction to the Study of Turkish. Paris: Institut d'Études Orientales, 1921. 275 p.
3. Dilachar A. Features and Development of the Turkish Language. Istanbul: Turkish Linguistic Society, 1959. 200 p.
4. Dörfer G. Oghuz Dialects and Their Classification. Berlin: Mouton de Gruyter, 1983. 280 p.
5. Dörfer G. On the Situation of the Turkic Languages. Wiesbaden: Harrassowitz, 1974. 350 p.
6. Imar K. Modern Dialectological Research in Turkey. Journal of Turkic Studies. 2011. Vol. 19. No. 2. P. 45 – 68.
7. Publications of the Turkish Linguistic Society in the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences. Russian Library Association. 2005. [Electronic resource]. URL: <https://www.rba.ru/content/activities/section/12/mag/mag10/12.pdf> (date of access: 20.11.2024)
8. Study and teaching of Turkic dialects of the Siberian group at Ankara University. ResearchGate. 2018. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/323685206_Izucenie_i_prepodavanie_turkskih_dialektov_sibirskoj_grupy_v_Universitete_Ankary (date of access: 13.11.2024)
9. Kashgari Mahmud al-. Divan lugat at-Turk. 1072 – 1074.
10. Kornfilt J. Turkish Syntax and Dialectology. Amsterdam: John Benjamins, 2002. 380 p.
11. Lewis D. Language Reform in Turkey: A Catastrophic Success. Oxford: Oxford University Press, 1999. 240 p.
12. Poppe N. Comparative Turkology. Bloomington: Indiana University Press, 1965. 310 p.
13. Radlov V. Languages of the Turkic Tribes of Southern Siberia. Leipzig: Hirzel, 1866. 500 p.
14. Reformist Activities of the Turkish Linguistic Society during the Language Revolution in Turkey. CyberLeninka. 2023. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reformatorskaya-deyatelnost-turetskogo-lingvisticheskogo-obschestva-v-period-yazykovoy-revolyuitsii-v-turtsii> (date access: 11.15.2024)
15. Turkish Language. Knowledge of Russia. 2023. [Electronic resource]. URL: https://znanierussia.ru/articles/Турекский_язык (date of access: 10.11.2024)
16. Turkish Linguistic Society. Atlas of Turkish Dialects in Turkey. Ankara: TDK Yayınları, 2017. 350 p.
17. Turkish Linguistic Society. Catalog of Official Publications. Ankara: TDK Yayınları, 1932. 150 p.
18. Johansson L. The Turkic Languages: An Introduction to the Language Family. Oxford: Oxford University Press, 1998. 320 p.
19. Johansson L., Chato E. The Turkic Languages. London: Routledge, 1998. 400 p.

Информация об авторах

Рамазанова П.Н., Дагестанский государственный университет, patimat24012004@mail.ru

Кадыров Р.С., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, gus-kadir-1964@yandex.ru

© Рамазанова П.Н., Кадыров Р.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.512.161.

История изучения лексики турецкого языка в сравнительно-историческом освещении

¹ Тажудинова Э.М., ¹ Кадыров Р.С.,

¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: изучение лексики турецкого языка в контексте сравнительной истории представляет собой крайне важное направление в тюркологии, которое позволяет раскрывать закономерности в развитии лексико-семантической структуры языка. При проведении исследований анализируются древние письменные памятники, такие как Орхонские тексты, и проводится сравнительный анализ с другими тюркскими языками. Особое внимание уделяется влиянию арабского, персидского и монгольского языков на лексику османского и современного турецкого языка. Исследуются также фонетические и семантические трансформации в словах, а также особенности словообразования, характерные для огузской ветви тюркских языков. Сравнительно-исторический подход позволяет более глубоко понять исторические взаимодействия тюркских народов с другими языковыми группами. Работы европейских и российских ученых XIX-XX веков заложили основы для научного изучения турецкого языка. Современные исследования продолжают расширять наши знания о процессах эволюции лексики и взаимодействия языков. Такой подход способствует более глубокому пониманию развития турецкого языка и его уникальных лексических особенностей. В целом, данная статья о сравнительно-историческом изучении лексики турецкого языка может способствовать углублению знаний о языке, его истории и связях с другими культурами, а также найти применение в образовании, лингвистике и культурных исследованиях.

Ключевые слова: турецкий язык, лексика, сравнительно-исторический анализ, тюркские языки, заимствования, словообразование, огузская ветвь

Для цитирования: Тажудинова Э.М., Кадыров Р.С. История изучения лексики турецкого языка в сравнительно-историческом освещении // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 37 – 41.

Поступила в редакцию: 24 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 26 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

The history of studying the vocabulary of the Turkish language in comparative historical coverage

¹ Tazhudinova E.M., ¹ Kadyrov R.S.,

¹ Dagestan State University

Abstract: the study of Turkish vocabulary in the context of comparative history is an extremely important direction in Turkology, which allows us to reveal patterns in the development of the lexical and semantic structure of the language. During the research, ancient written monuments such as the Orkhon texts are analyzed and a comparative analysis with other Turkic languages is carried out. Special attention is paid to the influence of Arabic, Persian and Mongolian languages on the vocabulary of the Ottoman and modern Turkish languages. Phonetic and semantic transformations in words are also studied, as well as the features of word formation characteristic of the Oghuz branch of the Turkic languages. The comparative historical approach allows for a deeper understanding of the historical interactions of the Turkic peoples with other linguistic groups. The works of European and Russian scientists of the 19th-20th centuries laid the foundations for the scientific study of the Turkish language. Modern research continues to expand our knowledge of the processes of vocabulary evolution and language interaction. This approach contributes to a deeper understanding of the development of the Turkish language and its unique lexical features. In general, this article on the comparative historical study of the vocabulary of the Turkish language can contribute to

the deepening of knowledge about the language, its history and connections with other cultures, as well as find application in education, linguistics and cultural research.

Keywords: the Turkish language, vocabulary, comparative historical analysis, Turkic languages, borrowings, word formation, Oghuz branch

For citation: Tazhudinova E.M., Kadyrov R.S. The history of studying the vocabulary of the Turkish language in comparative historical coverage. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (2). P. 37 – 41.

The article was submitted: December 24, 2024; Approved after reviewing: February 26, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Изучение лексики турецкого языка в сравнительно-историческом ключе – обширная и многослойная область, охватывающая не только лингвистические аспекты, но и историю, культуру и политику. Эта тема является ключевой для понимания как самого турецкого языка во всей его полноте, так и его места в широком контексте тюркских языков и языков других семей. Изучение истории исследования лексики турецкого языка, начиная с ранних попыток систематизации и заканчивая современными научными разработками, позволяет проследить этапы формирования и эволюции языка, выявить внешние влияния, определить внутренние закономерности развития, а также понять, как язык отражает социокультурные процессы, происходившие на протяжении столетий на территории Османской империи и современной Турции. Цель данного исследования – проследить основные этапы развития лингвистической мысли в этой области, выделить ключевых исследователей и их работы.

Материалы и методы исследований

В статье использовался анализ научной и исторической литературы, в которой отражено формирование турецкого языка, в первую очередь лексика. А также приводится анализ определённых слов, на примере которых отслеживается развитие языка, проведён анализ заимствованных слов из иных языков. В работе использовались описательный метод и метод компонентного анализа.

Результаты и обсуждения

Турецкий язык имеет сложную историю, и его лексика отражает эту сложность. В ней можно найти элементы, свойственные исконной тюркской лексике, а также заимствования из арабского, персидского, французского и других языков. Сравнительный анализ помогает выделить эти различные слои лексики и понять, как они влияют на современный турецкий язык [1, с. 48].

Первые попытки систематизации турецкой лексики в научных рамках относятся к XVI веку. Одним из первых трудов является работа Ф. Аргенти, составившего европейскую грамматику турецкого

языка в 1533 году. На арабском языке описание турецкой лексики впервые было выполнено Бергамалы Кадри в его труде 1530 года, что положило начало систематическому изучению турецкой языковой структуры восточными учёными. В России интерес к турецкому языку появился в XVIII веке, когда И.В. Холдерман издал «Турецкую грамматику» в 1777 году. Однако настоящий научный интерес к лексическому составу турецкого языка был проявлен только в XIX веке, благодаря таким исследователям, как О. И. Сенковский и А. Казем-бек. Их работы заложили основу для изучения турецкого языка в России и открытия его лексических связей с другими тюркскими и нетюркскими языками.

Одним из первых этапов в изучении лексики турецкого языка стало составление словарей и грамматик, которые фиксировали словарный состав и грамматические особенности языка. В XIX веке европейские ориенталисты, такие как Жан Дени и Джеймс Редхаус, внесли значительный вклад в документирование и анализ турецкой лексики. Их работы стали основой для последующих сравнительно-исторических исследований. В XX веке турецкие лингвисты активно занимались исследованием происхождения и развития лексики своего языка. Особое внимание уделялось исконной тюркской лексике, а также заимствованиям и их адаптации в турецком языке. Работы таких ученых, как Ахмет Джафероглу и Мехмет Фуат Кёпрюлю, способствовали углубленному пониманию лексических изменений и обогащению турецкого языка [2, с. 78].

На рубеже XIX и XX веков лексический состав турецкого языка стал объектом внимания европейских учёных. Важной вехой стало издание работы Дж. В. Редхауса «A Simplified Grammar of Ottoman-Turkish Language» в 1884 году. Этот труд обобщил основные особенности турецкой лексики и грамматики, заложив основы для дальнейшего изучения [8, с. 66]. После Первой мировой войны интерес к турецкому языку усилился, что было связано с политическими изменениями и формированием современного турецкого государства.

Французский тюрколог Жан Дени опубликовал в 1921 году свою работу «Grammaire de la Langue Turque (dialecte osmanli)», где были описаны фонетические и лексические особенности османского диалекта. В это же время в Советском Союзе активизировалась работа над изучением турецкого языка, чему способствовали труды таких исследователей, как А.Н. Самойлович и В.А. Гордлевский.

Сравнительно-исторический анализ лексики турецкого языка включает в себя изучение различных лексико-семантических групп, таких как термины родства, названия частей тела, животные и растения. Например, термины родства в турецком языке имеют параллели в других тюркских языках, что свидетельствует о их общем происхождении. Слово "anne" (мать) имеет соответствия в азербайджанском "ana" и узбекском "ona", отражая общетюркские корни. [9, с. 260].

Займствования играют значительную роль в формировании лексики турецкого языка. Арабские и персидские займствования проникли в турецкий язык в период Османской империи, обогащая его словарный запас. Например, слово "kitap" (книга) заимствовано из арабского "kitāb", а "şehir" (город) из персидского "šahr". В XX веке, в ходе языковой реформы, многие из этих займствований были заменены на исконно тюркские слова, однако некоторые из них сохранились в современном языке.

Сравнительно-исторический метод также позволяет выявить диалектные различия и региональные особенности в лексике турецкого языка. Например, слово "ekmek" (хлеб) в некоторых диалектах произносится как "emek", что отражает фонетические изменения в различных регионах. Такие различия помогают понять процессы языковой эволюции и взаимодействия между диалектами [3, с. 78].

Важным аспектом сравнительно-исторического изучения лексики является анализ словообразовательных моделей и морфологических структур. В турецком языке широко используются аффиксы для образования новых слов. Например, от глагола "yazmak" (писать) образуется существительное "yazi" (письмо) с помощью суффикса "-ı". Сравнение этих моделей с другими тюркскими языками позволяет выявить общие тенденции и уникальные особенности.

Сравнительно-историческое изучение лексики турецкого языка также включает в себя анализ фразеологических единиц и идиом. Многие из них имеют параллели в других тюркских языках, отражая общие культурные и исторические корни [7, с. 297]. Например, турецкая поговорка "Damlaya damlaya göl olur" (Капля за каплей образует озеро) имеет аналог в азербайджанском языке: "Damla-

damla göl olur". Такие соответствия свидетельствуют о глубокой связи между тюркскими народами.

Сравнительно-исторический подход к изучению лексики турецкого языка предполагает исследование её изменений в диахроническом аспекте. Особое внимание уделяется анализу старописьменных памятников, таких как Орхонские надписи, памятники периода Караханидов, а также османские рукописи. Например, Орхонские тексты позволяют выявить устойчивые элементы лексики, сохранившиеся в современном турецком языке, такие как базовая терминология, обозначающая родственные связи, названия животных, растений и природных явлений. Сравнительный анализ показывает, что многие слова сохранили своё значение на протяжении веков, в то время как другие изменили его под влиянием внешних факторов [4, с. 714].

Одной из ключевых тем сравнительно-исторического изучения является исследование займствований в турецком языке. Контакты с арабским и персидским языками в период Османской империи оказали значительное влияние на формирование османской лексики. Сравнительный анализ показывает, что слова, заимствованные из арабского и персидского языков, чаще всего относятся к религиозной, юридической и научной терминологии. Например, такие слова, как *kitap* (книга), *adalet* (справедливость) и *hikmet* (мудрость), пришли из арабского языка и сохранились в современном турецком языке, иногда претерпевая незначительные фонетические изменения.

Сравнительно-исторический анализ также касается тюркской основы лексики турецкого языка. Сравнение турецкой лексики с другими тюркскими языками, такими как азербайджанский, башкирский, туркменский и узбекский, позволяет выявить общие корни и словообразовательные модели [10, с. 196]. Например, такие слова, как *su* (вода), *dağ* (гора) и *el* (рука), имеют аналоги в большинстве тюркских языков, что свидетельствует об их общем происхождении. Особое внимание уделяется исследованию огузской лексики, которая является основой турецкого языка. Сравнение с кыпчакскими и карлукскими языками показывает, что огузская ветвь тюркских языков обладает уникальными фонетическими и лексическими особенностями, связанными с историческими миграциями и контактами.

Интересным примером сравнительно-исторического анализа является исследование займствований из монгольского языка. Влияние монгольского языка на турецкий особенно заметно

в военной и административной терминологии. Например, слово *ordu* (армия) имеет монгольское происхождение и широко используется в современных тюркских языках. Такие исследования позволяют не только понять пути заимствований, но и проследить культурные и политические связи между народами.

Выводы

В заключение, история изучения лексики турецкого языка в сравнительно-историческом освещении отражает многовековые усилия линг-

вистов по пониманию эволюции и развития языка. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить генетические связи между тюркскими языками, понять механизмы заимствований и адаптации, а также проследить влияние культурных и исторических факторов на формирование лексического состава турецкого языка. Продолжение таких исследований способствует более глубокому пониманию не только турецкого языка, но и общей картины развития тюркских языков в целом.

Список источников

1. Баштабак А.Ш. Фразеологизмы в турецком языке и их особенности // Символ Науки. 2016. № 3. С. 117 – 120.
2. Гусейнова Х. О некоторых словах азербайджано-турецкого происхождения // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 5. С. 620 – 624.
3. Денмухаметова Э., Юсупова А., Онэр М. Словари как источники информации о татарах // *Turkic Studies Journal*. 2022. Т. 4. № 2. С. 48 – 55.
4. Малышева Н.В. Якутская лексика обозначения покрова животных общетюркского происхождения в сравнительно-историческом аспекте // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 78 – 85.
5. Мугумова А.Л. О некоторых ориентализмах в истории русского языка конца XVIII – начала XIX вв. // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 11. С. 235 – 239.
6. Муратова Р.Т. Историческое и лексико-семантическое развитие цветообозначения al ‘алый, розовый’ в тюркских языках // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 3. С. 714 – 727.
7. Онищенко Ю.А. Анализ некоторых фразеологических единиц турецкого языка и проблема их перевода на русский язык // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64). № 3, ч. 1. С. 296 – 302.
8. Петрова Ю.А., Кулешова К.А. Культурно-историческая эволюция турецкого языка под влиянием и заимствованием европейских языков // Научный альманах стран Причерноморья. 2020. Т. 21. № 1. С. 65 – 68.
9. Пузейкина Л.Н. Наследие В.М. Жирмунского в области тюркологии // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири *Magister Dixit*. 2012. № 4. С. 254 – 274.
10. Тавлярова Г.М., Абдуллина Г.Р., Байбулов И.И. История изучения лексики национальных танцев в башкирском и турецком языках // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 195 – 200.

References

1. Bashtabak A.Sh. Phraseologisms in the Turkish language and their features. *Symbol of Science*. 2016. No. 3. P. 117 – 120.
2. Huseynova H. On some words of Azerbaijani-Turkish origin. *Bulletin of Science and Practice*. 2021. Vol. 7. No. 5. P. 620 – 624.
3. Denmukhametova E., Yusupova A., Oner M. Dictionaries as sources of information about the Tatars. *Turkic Studies Journal*. 2022. Vol. 4. No. 2. P. 48 – 55.
4. Malysheva N.V. Yakut vocabulary for denoting the cover of animals of common Turkic origin in a comparative historical aspect. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2019. No. 6. P. 78 – 85.
5. Mugumova A.L. On Some Orientalisms in the History of the Russian Language in the Late 18th – Early 19th Centuries. *Uspekhi gumanitarnykh nauk*. 2021. No. 11. P. 235 – 239.
6. Muratova R.T. Historical and Lexical-Semantic Development of the Color Designation al ‘scarlet, pink’ in the Turkic Languages. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 714 – 727.
7. Onishchenko Yu.A. Analysis of Some Phraseological Units of the Turkish Language and the Problem of Their Translation into Russian. *Scientific Notes of the Tavrichesky National University named after V.I. Vernadsky Series “Philology. Social Communications”*. 2012. Vol. 25 (64). No. 3, part 1. P. 296 – 302.

8. Petrova Yu.A., Kuleshova K.A. Cultural and historical evolution of the Turkish language under the influence and borrowing of European languages. Scientific almanac of the Black Sea countries. 2020. Vol. 21. No. 1. P. 65 – 68.

9. Puzeikina L.N. Legacy of V.M. Zhirmunsky in the field of Turkology. Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia Magister Dixit. 2012. No. 4. P. 254 – 274.

10. Tavliarova G.M., Abdullina G.R., Baibulov I.I. History of studying the vocabulary of national dances in the Bashkir and Turkish languages. Bulletin of the Bashkir University. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 195 – 200.

Информация об авторах

Тажудинова Э.М., Дагестанский государственный университет, hjuga208@yandex.ru

Кадыров Р.С., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, rus-kadir-1964@yandex.ru

© Тажудинова Э.М., Кадыров Р.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.342

Анализ интонационного оформления единиц речевого этикета в курсе фонетики для китайских студентов

¹ Терских Т.Ф.,

¹ Байкальский государственный университет

Аннотация: поскольку интонация является одним из основных фонетических средств оформления речевого высказывания и представляет собой совокупность просодических компонентов, участвующих в членении и организации речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения, в статье был проведен анализ интонационного оформления единиц речевого этикета в практическом курсе фонетики для китайских учащихся.

Метод сопоставительного анализа предполагает выявление сходств и различий в интонационном уровне русского и китайского языков.

Сделан вывод, что при выявлении различий с артикуляционно-акустическими особенностями звуков при выражении различных эмоциональных состояний в оформлении единиц речевого этикета, интонация используется не только как языковое средство, но и служит для передачи отношения говорящего к тому, что он говорит. При помощи интонации передаётся и эмоциональное состояние говорящего (его приподнятое или угнетённое настроение), и особенности его личного, индивидуального оформления речи.

Ключевые слова: русская интонация, интонационная конструкция, ударение, родной язык, ритмика, восходящий тон, нисходящий тон, фраза, анализ, речевой этикет

Для цитирования: Терских Т.Ф. Анализ интонационного оформления единиц речевого этикета в курсе фонетики для китайских студентов // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 42 – 47.

Поступила в редакцию: 26 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 27 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Analysis of intonation design of speech etiquette units in a phonetics course for Chinese students

¹ Terskikh T.F.,

¹ Baikal State University

Abstract: since intonation is one of the main phonetic means of forming a speech utterance and is a set of prosodic components involved in the division and organization of the speech flow in accordance with the meaning of the transmitted message, the article analyzes the intonation design of speech etiquette units in a practical phonetics course for Chinese students.

The method of comparative analysis involves identifying similarities and differences in the intonation level of the Russian and Chinese languages.

It is concluded that when identifying differences with articulatory and acoustic features of sounds when expressing different emotional states in the design of speech etiquette units, intonation is used not only as a linguistic means, but also serves to convey the speaker's attitude to what he says. Intonation conveys both the emotional state of the speaker (his elated or depressed mood) and the features of his personal, individual design.

Keywords: Russian intonation, intonation construction, stress, native language, rhythm, ascending tone, descending tone, phrase, analysis, speech etiquette

For citation: Terskikh T.F. Analysis of intonation design of speech etiquette units in a phonetics course for Chinese students. Philological Bulletin. 2025. 4 (2). P. 42 – 47.

The article was submitted: December 26, 2024; Approved after reviewing: February 27, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Описанию русской интонации посвящены работы Е.А. Брызгуновой, Н.Б. Битехтиной, Ю.Г. Лебедевой, В.С. Нефедьевой, М.Н. Шутовой [2, 1, 6, 7, 11].

Обучение иностранцев русской интонации успешно проводится на основе интонационной теории Е.А. Брызгуновой (7 интонационных конструкций – ИК) [2].

Лингвистический аспект речевого этикета по Н.И. Формановской отражен в изучении системы устойчивых выражений, регулирующих речевое поведение в ситуациях установления и поддержания коммуникативного контакта собеседников [10].

Материалы и методы исследований

Задачи анализа интонационного оформления единиц речевого этикета в фонетическом курсе для китайцев включают:

Выявление национально-культурных особенностей интонационных формул речевого этикета, которые необходимо учитывать при обучении иностранному языку. Например, в русском языке интонация передаёт эмоции и выделяет ключевые слова в предложении, а в китайском определяет лексическое значение слова.

Интонация в русском языке передаёт эмоции и выделяет ключевые слова в предложении с помощью следующих средств:

Тон (высота голоса). Повышение тона выражает вопрос, восклицание. Например: «Ты правда это сделал?» (вопрос). Понижение тона обозначает завершённость мысли «Сегодня погода отличная.» (утверждение).

Громкость акцентирует внимание на определённых словах или усиливает эмоциональную окраску. Тихая речь может выражать интимность, тайну. Громкая речь – восклицание, гнев.

Паузы помогают разделить текст на смысловые части и передать логику высказывания. Например: «Если завтра будет дождь, – мы останемся дома.»

Логическое ударение выделяет ключевые слова, подчёркивает смысл предложения. Например: «Он сказал это вам?» (ударение на глагол – уточнение действия). «Он сказал это вам?» (ударение на местоимение – уточнение адресата).

Как происходит определение трудностей, с которыми сталкиваются китайские учащиеся при изучении фонетической системы другого языка.

Для носителей китайского языка сложным может быть усвоение интонации без вопросительного слова, так как в китайском вопросительном предложении присутствует частица.

Результаты и обсуждения

Поиск методически эффективных приёмов преподавания языка проводился с учётом выявленных сходств и различий в интонационных системах разных языков.

В условиях овладения другим языком обучаемые опираются на универсальные явления в родном и изучаемом языках, что обеспечивает нормативное восприятие движения тона в интонационном оформлении русской фразы, которое обеспечивается понятием интонационного центра – места во фразе, где происходит изменение мелодического рисунка. Также роль играет мелодика – изменение тона, выражающееся в его понижении или повышении. Она выступает одним из средств передачи смысла высказывания и связи его частей.

Для китайских обучаемых отнесение явлений к условно универсальным и чужим обусловлено функционированием языкового и когнитивного сознания.

Анализ данных субъективного характера о движении основного тона при интонационном оформлении русской и китайской фразы показывает, что нисходящий и восходящий тон присутствует в обоих языках и служит основой для становления перцептивного тезауруса. Ровный нисходящий тон универсален для китайских учащихся в рамках интонационного оформления повествовательного высказывания:

«Они живут душа в душу».

«Сегодня хорошая погода. Можно поехать отдохнуть на озеро».

Предъявленные русские фразы в переводе на родной язык студентов сохраняют нисходящий тон при озвучивании на китайском языке, хотя при этом утрачивается национальная специфика ровного нисходящего тона. Это объясняется тем, что нисходящее движение основного тона китайской фразы дополняется присутствием чередующихся разнообразных слоговых тонов: нисходящего, нисходяще-восходящего, ровного, восходящего. Нисходящее движение основного тона во фразе нормативно воспринимается китайскими учащимися при восприятии нейтрального совета, волеизъявления и сожаления. Восходящее движение

тона нормативно воспринимается при предъявлении нейтрального удивления, оценки степени качества и вопроса без вопросительного слова. Пример восходящего движения тона при предъявлении нейтрального удивления: «Постой! Это же Виктор!». В этом предложении начальный слог выделен высоким восходящим тоном и интенсивностью, длительность варьируется в зависимости от степени удивления.

Пример оценки степени качества: «Какой сок свежий!». В этом предложении используется интонационная конструкция (ИК- 6), в центре которой происходит восходящее движение тона.

Пример вопроса без вопросительного слова: «Виктор пьёт сок?». В этом предложении используется интонационная конструкция (ИК- 3), для которой характерно резко восходящее движение тона на звуках центра.

Также восходящий тон может использоваться в повторных вопросах и перераспросах, а также в вопросах, выражающих удивление и восклицание. Например: «Что Вы сказали? / Действительно? / Ох?»

Адекватность/неадекватность речевого поведения собеседника-иностранца в процессе общения с носителем русского языка находится в зависимости от возникающих в сознании иностранца ассоциаций, обусловленных его национальной психологией. Приведем пример некоторых ассоциаций, обусловленные национальной психологией китайских студентов при фонетическом оформлении фраз речевого этикета:

Конкретность вопросов. В общении китайцы склонны задействовать образное мышление, их вопросы конкретны, темы вежливых фраз обычно связаны с реальной жизнью. Например: «Вы поели?» и «Куда ты идёшь?».

Использование междометий. В речи молодых людей повсеместно присутствуют различного рода междометия, которые могут предшествовать основному содержанию этикетного диалога. Например: «эй», «хым», «послушай-ка» – восклицательные частицы, которые придают высказыванию эмоциональную окрашенность.

Употребление фразовых частиц. Наблюдается устойчивая тенденция к употреблению фразовых частиц, которые придают высказыванию эмоциональную окрашенность.

Иностранные учащиеся, недостаточно знакомые с нормами интонационного оформления русской речи, могут некорректно воспринимать тип ИК или вообще не принимать тип интонационного ритма в свой перцептивный тезаурус из-за отсутствия благоприятной психологической основы для осознания этого типа.

Восходяще-нисходящее (ИК-5) и резко восходящее (ИК-6) движение основного тона в русском языке китайские обучаемые по данным поискового учебного эксперимента осознают как «чужое», не имеющее аналогов в их родном языке. Именно по этой причине они не принимают эти типы ИК в свой перцептивный тезаурус даже после цикла занятий с целью практического овладения им. Так китайские студенты не используют тип интонационного оформления оценки степени качества (ИК-5), принадлежащей к литературному стилю речи, и разговорную форму оценки степени качества (ИК-6).

Содержание учебной программы для китайских студентов должно включать сопоставление ритмико-интонационных структур родного и изучаемого языков при выражении следующих форм речевого этикета: приветствие, информирование, совет. Для включения сопоставления ритмико-интонационных структур родного и изучаемого языков при выражении форм речевого этикета (приветствия, информирования, совета) можно провести анализ акцентно-мелодических моделей, отражающих коммуникативную направленность высказывания и специфику речевой ситуации.

Например, для приветствия можно рассмотреть разные интонационные варианты, которые отражают отношение говорящих друг к другу и объясняют правильную постановку ударения в той или иной ситуации. Так, Гарольд Пальмер выделяет четыре интонационные группы для приветствия: высокая шкала и восходящий тон, высокая шкала и средненисходящий ядерный тон, безударное начало и высоконисходящий ядерный тон, низкая шкала и высоковосходящий ядерный тон [8].

Также можно проанализировать, как интонация влияет на восприятие информации и её интерпретацию в разных языках. Например, фраза «Будьте любезны, закройте дверь» может звучать с разной интонацией в зависимости от того, предполагается в ней вежливая просьба или бесцеремонное требование.

Преподавателями Байкальского университета был проведен анализ шести наиболее употребительных этикетных фраз русского языка. Авторы сравнили их с китайскими аналогами. Было выявлено, что русская и китайская этикетная модель имеют много общего, и это может служить продуктивной основой для изучения этикетной лексики в контексте «диалога культур» [4, с. 135-138].

Выбор конкретных методов и подходов к сопоставлению ритмико-интонационных структур родного и изучаемого языков зависит от целей и задач исследования.

Для включения сопоставления ритмико-интонационных структур родного и изучаемого языков при выражении различных коммуникативных целей (волеизъявление, утверждение (нейтральное и категоричное), просьба, требование, оценка степени качества, нейтральное сожаление, нейтральное недоумение и удивление, все типы вопросов) можно использовать следующие подходы:

Анализ интонационных конструкций (ИК) родного языка. Например, ИК-2 встречается в вопросительных предложениях с вопросительным словом и в предложениях с обращением, волеизъявлением. ИК-4 используется в неполных вопросительных предложениях с сопоставительным союзом «а», в вопросах с оттенком требования. ИК-5 встречается при выражении высокой степени признака, действия, состояния.

Разбор фраз, не различающихся лингвистическими средствами. Например, для этого подходят вопросительные и утвердительные предложения, состоящие из двух слов. Предметом анализа становится изменение тона голоса в конце предложения: понижением в первом случае и повышением во втором.

Использование условно-коммуникативных упражнений. Они предназначены для развития интонационного слуха и включают упражнения на распознавание и репродукцию. Например, можно предлагать учащимся прочитать предложенные общие вопросы, обращая внимание на интонацию, или предлагаемые альтернативные вопросы с соответствующей им интонацией.

Выбор конкретных методов и заданий зависит от целей и возможностей обучения.

Янко рассматривает интонацию как средство выражения значений, формирующих предложение и текст, и композиций таких значений [13]. При этом необходимо обращать внимание на составляющие успешной коммуникации: Нужно уметь общаться на другом языке и понимать невербальные сигналы и намёки в коммуникации [9], обращать внимание на составные элементы интонации: мелодику, паузу, синтагматическое ударение.

Методика работы над интонационно-ритмическим оформлением русской фразы включает следующие шаги:

- рецептивное познание соотносительных эталонов ИК в русском и родном языках с целью узнавания в иноязычном тоне элементов, близких и далеких от родного образа;

- порождение студентами комментария специфики движения тона в русском языке;

Установление взаимосвязи формируемого перцептивного следа русского типа ИК с условными ориентирами в моторной реализации интонационного образца (например, ИК-1 – ровное пропевание фразы, для ИК-2 необходимо психологически создать небольшую паузу между центром и пост-центральной частью и т.п.);

- отражение перцептивно-моторного образца интонационного типа в кратковременной памяти обучаемых при выполнении интонационных и вопросо-ответных упражнений;

- различение и узнавание формируемого образца в оппозициях с другими типами ИК;

- интерпретация формируемого перцептивно-моторного интонационного типа в высказывании, обусловленном интонацией и ситуацией;

- анализ и интонационная разметка текста.

Охарактеризованные действия иностранных обучаемых по уяснению и активизации в своем новом перцептивном тезаурусе структуры интонационных конструкций обеспечивают усвоение «законов» национального видения оформления русской фразы.

Поскольку обучение русской интонации включает в себя работу над восприятием, пониманием интонации и практическим владением устной русской речью, а также методикой анализа интонации письменной русской речи (более подробное представление сведений о законах и правилах интонации возможно при изучении разделов языка: фонетики и синтаксиса), обучение русской интонации нами рассматривалось на фоне обучения русской фразеологии, которая предполагает знакомство с устойчивыми словосочетаниями, отражающими национальную специфику и самобытность русского народа, его уклада жизни, традиций и обычаев. Фразеологические единицы представляют собой ценный лингвистический материал, на базе которого можно изучать различные языковые уровни (фонетику, лексику, грамматику, стилистику) [3].

Выводы

Преодоление трудностей, связанных с интонированием предложения и определением смысла фразы, достигается посредством применения метода имитации, использования аудиоприложений, многократного прослушивания аудиозаписей.

В результате выполнения упражнений достигается развитие ритмико-интонационных навыков китайских учащихся, которые «обеспечивают способность:

- соотносить интонацию фразы со смысловым содержанием речи;

- различать коммуникативные типы предложений;

- дифференцировать интонационные особенности русской речи и различать типы ИК; - владеть интонационным слухом» [12, с. 67].

Таким образом, сопоставительный анализ помогает понять культурные особенности и комму-

никативные стратегии носителей разных языков, а также может быть полезен для эффективной межкультурной коммуникации.

Список источников

1. Битехтина Н.Б. Русский язык как иностранный: фонетика. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 128 с.
2. Брызгунова Е.А. Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке // Русский язык за рубежом. 1973. № 2. С. 44 – 52.
3. Грецкая Т.В., Моторина А.Я. К вопросу об изучении фразеологии на занятиях по рки в языковом вузе // Global and Regional Research. 2024. Т. 6. № 1. С. 94 – 99.
4. Деревянко А.С., Бутуева А.А. Этикетные фразы в русском и китайском языке: опыт сопоставления // Global and Regional Research. 2019. Т. 1. № 1. С. 135 – 138.
5. Конопкина Е. С., Шкурат Л. С. Трудности иностранцев в интонировании высказывания на русском языке и возможные пути их преодоления (начальный этап обучения) URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-inostrantsev-v-intonirovanii-vyskazyvaniya-na-russkom-yazyke-i-vozmozhnye-puti-ih-preodoleniya-nachalnyy-etap-obucheniya/viewer> (дата обращения: 09.11.24)
6. Лебедева Ю.Г. Звуки, ударение, интонация : учеб. пособие. М.: Русский язык, 1986. 270 с.
7. Неведева В.С. Интонационные ошибки в русской речи иностранцев // Наука, образование и культура. 2016. № 12. 3 с.
8. Стрельцов Ю.Г. Устный метод обучения иностранным языкам. М.: Учпедгиз, 1959. 165 с.
9. Тюкавкина-Плотникова А.А., Назина Ю.С. Составляющие успешной межкультурной коммуникации России и Китая // Global and Regional Research. 2023. Т. 5. № 2. С. 243 – 249.
10. Формановская Н.И. «Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты». М.: Русский язык, 1987. 156 с.
11. Шутова М.Н. Русский речевой этикет: методика обучения русской интонации иностранных учащихся // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1749 – 1751.
12. Щукин А.Н. Обучение речевому общению на русском языке как иностранном: учеб.-метод. пособие. М.: Русский язык. Курсы, 2015. 784 с.
13. Янко Т.Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

References

1. Bitekhtina N.B. Russian as a foreign language: phonetics. M.: Russian language. Courses, 2011. 128 p.
2. Bryzgunova E.A. The main types of intonation structures and their functioning in the Russian language. Russian language abroad. 1973. No. 2. P. 44 – 52.
3. Gretskaia T.V., Motorina A.Ya. On the issue of studying phraseology in language classes at a language university. Global and Regional Research. 2024. T. 6. No. 1. P. 94 – 99.
4. Derevianko A.S., Butueva A.A. Etiquette phrases in Russian and Chinese: comparison experience. Global and Regional Research. 2019. T. 1. No. 1. P. 135 – 138.
5. Konopkina E. S., Shkurat L. S. Difficulties of foreigners in intonation of utterances in Russian and possible ways to overcome them (initial stage of training) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-inostrantsev-v-intonirovanii-vyskazyvaniya-na-russkom-yazyke-i-vozmozhnye-puti-ih-preodoleniya-nachalnyy-etap-obucheniya/viewer> (date of access: 09.11.24)
6. Lebedeva Yu.G. Sounds, stress, intonation: textbook. manual. Moscow: Russian language, 1986. 270 p.
7. Nefedyeva V.S. Intonation errors in Russian speech of foreigners. Science, education and culture. 2016. No. 12. 3 p.
8. Streltsov Yu.G. Oral method of teaching foreign languages. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 165 p.
9. Tyukavkina-Plotnikova A.A., Nazina Yu.S. Components of successful intercultural communication between Russia and China. Global and Regional Research. 2023. Vol. 5. No. 2. P. 243 – 249.
10. Formanovskaya N.I. “Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects”. Moscow: Russian language, 1987. 156 p.
11. Shutova M.N. Russian speech etiquette: methods of teaching Russian intonation to foreign students. Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. 2018. No. 6. P. 1749 – 1751.

12. Shchukin A.N. Teaching speech communication in Russian as a foreign language: teaching aid. Moscow: Russian language. Courses, 2015. 784 p.

13. Yanko T.E. Intonation strategies of Russian speech in a comparative aspect. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2008. 312 p.

Информация об авторе

Терских Т.Ф., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, tirskich@mail.ru

© Терских Т.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.111:32

Структурно-семантические особенности когнитивной метафоры в политическом дискурсе

¹ *Кокоева А.Ф.,*

¹ *Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова*

Аннотация: статья посвящена изучению структурно-семантических особенностей когнитивной метафоры в политическом дискурсе на примере современных политических текстов англоговорящих государственных деятелей.

Актуальность исследования обусловливается малоизученностью и фрагментарной освещенностью структурно-семантических особенностей когнитивной метафоры в политическом дискурсе, которые представляют собой основу для корпусного исследования метафорических контекстов.

В результате проведенного эмпирического исследования, установлено, способствуют более широкому пониманию концептуальной картины мира, в что структурно-семантические особенности когнитивной метафоры котором центром мира представляется человек, а сама картина мира является антропоцентрической.

Ключевые слова: когнитивная метафора, дискурс, политический дискурс, структурно-семантические особенности

Для цитирования: Кокоева А.Ф. Структурно-семантические особенности когнитивной метафоры в политическом дискурсе // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 48 – 52.

Поступила в редакцию: 30 декабря 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 28 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

***

Structural and semantic features of cognitive metaphor in political discourse

¹ *Kokoeva A.F.,*

¹ *North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov*

Abstract: the article is devoted to the study of the structural and semantic features of cognitive metaphor in political discourse using the example of modern political texts of English-speaking statesmen.

The relevance of the study is determined by the lack of knowledge and fragmentary coverage of the structural and semantic features of cognitive metaphor in political discourse, which represent the basis for corpus research of metaphorical contexts.

As a result of the empirical study, it was established that the structural and semantic features of cognitive metaphor contribute to a broader understanding of the conceptual picture of the world, in which the center of the world is a person, and the picture of the world itself is anthropocentric.

Keywords: cognitive metaphor, discourse, political discourse, structural and semantic features

For citation: Kokoeva A.F. Structural and semantic features of cognitive metaphor in political discourse. Philological Bulletin. 2025. 4 (2). P. 48 – 52.

The article was submitted: December 30, 2024; Approved after reviewing: February 28, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

В последнее время вопросы исследования семантических особенностей когнитивной метафоры становятся все более актуальными в научных изысканиях. Исследования отечественных и зарубежных лингвистов семантической структурированности когнитивной метафоры, доказывают способность метафоры, благодаря структурной целостности, находить свое выражение в явлениях, которые не могут получить полного объяснения при изолированном рассмотрении, а также формировать новые концепты, возводить абстрактные понятия к более конкретному содержанию.

В рамках данной статьи ставится **цель** рассмотреть на примере анализа англоязычных политических текстов структурно-семантические особенности когнитивной метафоры, как главного средства, воздействующего на процессы познания и осмысления окружающей действительности.

Данная цель обусловила постановку следующих **задач**:

-теоретическое описание и трактовка «политический дискурс»; «когнитивная метафора»;

-теоретическое и практическое описание структурно-семантических особенностей когнитивной метафоры»;

Материалы и методы исследований

Материалом для практической основы исследования послужил текст выступления Премьер-министра Великобритании Терезы Мэй.

Для решения поставленных задач в работе применяются методы

анализа и синтеза, метод сплошной выборки, структурно-описательный и лингвостилистический метод.

Анализ теоретической литературы говорит о многозначности феномена «дискурс» и об отсутствии в научном пространстве единого определения понятия данного феномена. Термин «дискурс» в переводе с французского языка обозначает «речь» или «текст».

Основателем теории дискурса является выдающийся французский лингвист Эмиль Бенвенист, определяющий дискурс как «речь, присваиваемую говорящим» [3, с. 292]. Ученый указывает на значимость понятия самого контекста в дискурсе и понимает под термином «дискурс» обоснование, интерпретацию позиции спикера в высказывании.

В последнее время в российской науке интерес к вопросам политлингвистики постоянно растет. Следует отметить, что мнения языковедов по поводу предмета политической лингвистики существенно расходятся.

А.Н. Баранов предметом исследования этого направления считает единство дискурсивных практик, которая определяется как «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях и формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2, с. 108]. Ученый использует понятие «политический дискурс» в самом широком смысле, то есть, как комплексное изучение сложного многогранного феномена языкового общения.

Как подчеркивает Е.И. Шейгал, «политлингвистика имеет междисциплинарный характер: в ней соединяются достижения риторики, стилистики, лингвистики текста, социолингвистики, когнитивной лингвистики» [8, с. 7]. Она подчеркивает, что именно средства массовой информации служат своеобразным «мостом» между народом и властью. По ее словам, «СМИ являются посредником между политиками и народом» [8, с. 81].

Не противореча мнению ученого, можно предположить, что политический дискурс является коммуникативным явлением, обладающим значительным ресурсом для формирования общественного мнения.

Российский ученый А.П. Чудинов обращает внимание на факт, что важнейшим постулатом политического дискурса является коммуникация, которая определяется лингвистами как «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям» [6, с. 7].

Отечественные исследователи акцентируют внимание на том, что метафора обладает способностью расширять смысловой потенциал текста. Так, Дж.М. Дреева и Т.А. Болатов указывают, что, помимо экспрессивно-эмоциональной функции, когнитивные метафоры выполняют функцию «активизации сознания слушателей, создания дополнительных смыслов и ассоциаций» [4, с. 67].

Представленные определения политического дискурса свидетельствуют о том, что дискурс не ограничен текстом, он открыт по отношению к контекстуальному понятийному аппарату, включающему также семантические особенности социального контекста и способствующему принятию общественностью максимально согласованных политических решений в условиях политического плюрализма, допускающего множественность мнений, взглядов, позиций, отражающих многообразие интересов различных групп общества.

С целью проведения исследования структурно-семантических особенностей когнитивной метафоры в рамках политического дискурса обратимся

к выступлению британского политического деятеля Терезы Мэй.

Сущность когнитивной метафоры заключается в том, что она создает семантически разветвленный язык эмоций, состоящий из разных компонентов, но направленных на семантическое сближение.

Основоположники теории концептуальной метафоры, ученые Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» отмечают, что «концептуальная система играет центральную роль в определении реалий повседневной жизни» [5, с. 25]. Из сказанного следует, что когнитивная метафора призвана отражать специфику человеческого мышления, и рассматривается как связующее звено между семантическими компонентами чаще всего абстрактных понятий с привычными явлениями.

Лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон разделили их на три группы:

ориентационная метафора, онтологическая метафора и структурная метафора. Метафоры ориентации означают, что образы, создающиеся в подсознании, имеют определенное направление. Дж. Лакофф и М. Джонсон объясняют этот вид следующим образом: "Ориентационные метафоры придают концепту пространственную ориентацию: например, Harry is up/счастье соответствует верху..." [5, с. 35].

Онтологические метафоры отвечают за точное истолкование событий, эмоций, чувств в терминах физических субстанций, т.е. они позволяют превращать абстрактные понятия в физическое существование. Ученые утверждают, что «опыт обращения с материальными объектами создает основу для широкого разнообразия онтологических метафор, т.е. способов восприятия событий, деятельности, эмоций, идей и т.п., как материальных существей и веществ» [5, с. 4].

Следовательно, онтологические метафоры предназначены главным образом для распознавания природы событий. Под структурными метафорами понимается передача сущности одного концепта в терминах другого концепта. Дж. Лакофф и М. Джонсон определяют структурные метафоры следующим образом: "структурные метафоры дают нам возможность использовать одно высокоструктурированное и четко выделяемое понятие для структурирования другого" [5, с. 98].

Таким образом, структурные метафоры обладают мощным потенциалом и ресурсом, они позволяют не только ориентировать понятия, но и формировать значение одного понятия в терминах другого понятия.

Классификация метафор, базирующаяся на семантическом принципе, в рамках политического дискурса была предложена А.П. Чудиновым. Согласно данной классификации, метафоры делятся на четыре основных типа: антропоморфная метафора, природоморфная метафора, артефактная метафора, социоморфная метафора. Ниже рассмотрим каждый тип метафоры:

«- Антропоморфная метафора. Человек моделирует политическую реальность по своему подобию.

- Природоморфная метафора. Природа служит человеку моделью для создания различных областей реальности.

- Социоморфная метафора. Политический мир формируется подобно другим сферам социальной деятельности человека.

- Артефактная метафора. По аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу» [7, с. 31].

А.П. Чудинов акцентирует внимание на обширности человеческого мышления, на структурированности каждой сферы.

Классификация метафор, опирающаяся на структурные особенности, была предложена Н.Д. Арутюновой. Она подразделяет их на следующие категории:

«- номинативные метафоры – функциональное или внешнее обозначение, главным образом для формирования переносов. Например, «сердце земли, глаз дерева»;

- образные метафоры – процесс метафоризации соответствует человеческой интуиции. Например, «этот человек – лиса» – представляет собой хитрый образ человека;

- обобщающие метафоры – означают, что логика движется вперед, стирая границу между лексическим значением и логической сущностью слова» [1, с. 89].

Следует также отметить, что классификация метафор тесно связана не только с их семантической природой, но также со сферой, в которой они применяются, потому что каждая сфера имеет свою метафору.

Результаты и обсуждения

Изучая природу метафор в речи Терезы Мэй, можно определить, что по своей семантической природе, они антропоморфны.

"And when criminal gangs do not respect our national borders, trafficking our fellow citizens into lives of slavery..." [9].

«И когда преступные группировки не уважают наши национальные границы, продают наших сограждан в рабство...»

Когнитивная метафора семантической сферы «рабство» выступает ключевым концептом в выступлении Терезы Мэй. Семантика данного концепта крайне насыщена, рабство остается серьезной проблемой в системе гарантий прав и свобод человека. Политик указывает на сохранение глобального неравенства, несмотря на законодательную базу в области прав человека.

Т. Мэй в своем выступлении апеллирует к международной обеспокоенности по поводу вопросов свободы личности, указывая на безысходность граждан, которых заключают в рабство. В речи Т. Мэй, ориентационным метафорам присуща структурно-семантическая системность. Благодаря своей эмпирической природе метафорические образы, «*to turn away*» / «*time to turn towards*» служат средством понимания и осмысления концепта в целом, они придают мировосприятию реципиентов пространственную ориентацию и способствуют созданию концептуальной картины мира.

«So this is not the time to turn away from our United Nations. It is the time to turn towards it» [9].

«Поэтому сейчас не время отворачиваться от нашей Организации Объединенных Наций. Пришло время обратиться к нему».

В данном примере наблюдаются не отдельные концепты, а целая система концептов, находящихся в пространственной оппозиции по отношению друг к другу. Можно также предположить, что с помощью концептов «*to turn away*» / «*time to turn towards*» выражено направление развития Британии; «*time to turn towards*», обращение к ООН, рассматриваются как положительная тенденция развития государства, а «*to turn away*» – как движение в обратном направлении.

Тереза Мэй в своей речи по выходу из ЕС обращается к метафорам антропоморфного типа, чтобы подчеркнуть необъятность и величие Британии. В рамках концепции «Глобальной Британии» она представляет Британию ключевым игроком в геополитической картине мира.

«I want us to be a truly Global Britain – the best friend and neighbour to our European partners, but a country that reaches beyond the borders of Europe too» [10].

«Я хочу, чтобы мы были по-настоящему Глобальной Великобританией – лучшим другом и со-

седом для наших европейских партнеров, но страной, которая простирается и за пределы границ Европы».

Примечательно, что Мэй из раза в раз в своих выступлениях выдвигает глобализацию, как концепт нового идеального мироустройства, способного объединить международные корпорации и тем самым усилить эффективность работы различных сфер человеческой деятельности.

Премьер-министр, используя концепт «ГЛОБАЛЬНЫЙ» также подчеркивает обширность и значимость вопросов, стоящих на повестке дня. «Глобальная концепция» символизирует единение, сохранение позиции Великобритании, как одного из ключевых акторов на международной арене, усиление позиций Британии после Brexit. Мэй подчеркивает, что внешняя политика страны не должна ограничиваться только Европой.

Выводы

Таким образом, при анализе структурно-семантических особенностей когнитивной метафоры нами учитывались форма и содержание, структура, семантическое наполнение и т.д.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что, благодаря структурно-семантическим особенностям когнитивной метафоры, становится возможным воздействие на процессы познания окружающей действительности, а также расширение границы метафорической концептуализации абстрактных понятий, что приводит к более широкому пониманию предметно-практической и гносеологической деятельности человека.

Кроме того, рассматривая классификацию метафор, следует отметить, что наиболее совершенной и четкой является классификация когнитивных метафор А.П. Чудинова. Согласно данной классификации, человек представляется центром мира, и именно структурно-семантические особенности метафорической лексики, выяснение роли отдельных концептов в создании образного значения позволяют более глубоко проникнуть в сущность метафорического процесса и способствуют более широкому и глубокому пониманию концептуальной картины мира, которая по сути своей является антропоцентрической.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 366 с.
2. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. № 6. С. 108 – 118.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
4. Дреева Дж.М., Болатов Т.А. Способы реализации поэтической и эмотивной функций языка в современном англоязычном песенном дискурсе // Язык и культура. 2023. № 63. С. 60 – 77.

5. Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры; перевод с англ. А.Н. Баранов. М.: Едиториал УРСС, 1990. 256 с.
6. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. М.: Уральский государственный педагогический университет, 2003. 248 с.
- 7 Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. М.: Наука, 2007. 256 с.
8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
9. Gov.uk [Электронный ресурс]. 2023 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly> (дата обращения: 03.06.2024)
10. Gov.uk [Электронный ресурс]. 2023. <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> (дата обращения: 03.06.2024)

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 1998. 366 p.
2. Baranov A.N. Political Discourse: Farewell to Ritual. Man. 1997. No. 6. P. 108 – 118.
3. Benveniste E. General Linguistics. Ed. by Yu.S. Stepanov. Moscow: Progress, 1974. 448 p.
4. Dreeva J.M., Bolatov T.A. Ways of Realizing the Poetic and Emotive Functions of Language in Modern English-Language Song Discourse. Language and Culture. 2023. No. 63. P. 60 – 77.
5. Lakoff D. Metaphors We Live By. Theory of Metaphor; translation from English by A.N. Baranov. M.: Editorial URSS, 1990. 256 p.
6. Chudinov A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication. M.: Ural State Pedagogical University, 2003. 248 p.
- 7 Chudinov A.P. Political linguistics: textbook. M.: Science, 2007. 256 p.
8. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse. M.: Gnosis, 2004. 326 p.
9. Gov.uk [Electronic resource]. 2023 URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/theresa-mays-speech-to-the-un-general-assembly> (accessed: 03.06.2024)
10. Gov.uk [Electronic resource]. 2023. <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech> (accessed: 03.06.2024)

Информация об авторе

Кокоева А.Ф., аспирант, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, albina.kokoeva@yandex.ru

© Кокоева А.Ф., 2025

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 2 / 2025, Vol. 4, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111

Нарративные стратегии в рассказах У.С. Моэма

¹ Назаренко Н.И., ² Дацер Е.С.,

¹ Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи,

² Приазовский государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена исследованию нарративной техники английского писателя У.С. Моэма. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью современного изучения организации нарративного дискурса как формы художественной коммуникации между нарратором (рассказчиком) и реципиентом (читателем). Особое внимание уделяется изучению особенностей фокализации, типа наррации, позиции нарратора и наррататора в рассказах писателя. Теоретико-методологической основой работы является нарратологический подход. Для осуществления нарратологического анализа малой прозы У.С. Моэма используются основные положения нарратологической теории и методологии В. Шмида, типология повествовательных текстов Ж. Женетта, работы М. Бахтина, Н. Тмарченко, В. Тютпы.

Методы исследования. В работе использована комплексная методика исследования: филологический, типологический и структурно-описательный методы для системного рассмотрения уровней и инстанций литературной коммуникации. Анализ текстов осуществляется с использованием структуралистских подходов нарратологической школы и основ рецептивной эстетики.

В статье охарактеризованы знаки авторской интенции в произведениях и специфика проявления нарраториальной (внешней по отношению к диегезису) и персонажной (внутренней) фокализации в различных аспектах: перцептивном, речевом, временном, пространственном. Обобщаются определяющие признаки нарративных моделей малой прозы У.С. Моэма в плане дистанцирования нарратора от персонажей.

Ключевые слова: нарратология, диегезис, фокализация, нарратор, наррататор, нарративная модель, хронотоп

Для цитирования: Назаренко Н.И., Дацер Е.С. Нарративные стратегии в рассказах У.С. Моэма // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 2. С. 53 – 63.

Поступила в редакцию: 3 января 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 марта 2025 г.; Принята к публикации: 9 апреля 2025 г.

Narrative strategies in W.S. Maugham's short stories

¹ Nazarenko N.I., ² Datsar E.S.,

¹ Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi,

² Priazovsky State Technical University

Abstract: the article is devoted to the study of the narrative technique of the English writer W.S. Maugham. The relevance of this topic is due to the need for modern study of the organization of narrative discourse as a form of artistic communication between the narrator (story-teller) and the recipient (reader). Particular attention is paid to the study of the features of focalization, the type of narration, the position of the narrator and the narratorial in the writer's stories. The theoretical and methodological basis of the work is the narratological approach. The main provisions of the narratological theory and methodology of V. Schmid, the typology of narrative texts of G. Genette, the works of M. Bakhtin, N. Tamarchenko, V. Tyupa are used in order to carry out the narratological analysis of W.S. Maugham's short fiction.

Research methods. The work uses a comprehensive research methodology: philological, typological and structural-descriptive methods for a systematic examination of the levels and instances of literary communication. The analysis of texts is carried out using structuralist approaches of the narratological school and the basics of receptive aesthetics.

The article characterizes the signs of the author's intention in the works and the specificity of the manifestation of narratorial (external in relation to the diegesis) and character (internal) focalization in various aspects: perceptual, speech, temporal, spatial. The defining features of the narrative models of W.S. Maugham's short fiction are summarized in terms of distancing the narrator from the characters.

Keywords: narratology, diegesis, focalization, narrator, narratator, narrative model, chronotope

For citation: Nazarenko N.I., Datser E.S. Narrative strategies in W.S. Maugham's short stories. *Philological Bulletin*. 2025. 4 (2). P. 53 – 63.

The article was submitted: January 3, 2024; Approved after reviewing: March 1, 2025; Accepted for publication: April 9, 2025.

Введение

Литературоведческие исследования последних десятилетий свидетельствуют о формировании новых теоретических подходов к изучению литературных текстов, апробации новых методик литературоведческого анализа. Среди таких – нарратология, идеи которой стали активно проникать в российскую науку в конце XX ст. Нарратология как литературоведческая теория основывается на принципе сочетания в тексте двойного события: событий, о которых рассказывается, и события собственно рассказа. Интерес исследователей касается коммуникативного аспекта порождения текста, предполагающего учет различных инстанций его коммуникативных уровней. Нарратологический анализ способствует более глубокому пониманию повествовательной стратегии и способа выражения мировоззрения писателей XX века.

Целью статьи является исследование основных черт нарратива в отдельных рассказах У.С. Моэма и определение системы отношений между нарратором и персонажами, нарратором и автором в указанных текстах. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью современного изучения организации нарративного дискурса как формы художественной коммуникации между нарратором (рассказчиком) и реципиентом (читателем).

В последнее время во многих исследованиях применяют методологические принципы нарратологии (англ. *narratology*, фр. *narratologie*, от лат. *pagare*: рассказываю, *logos*: слово, учение), с помощью которых определяется функционирование повествования, выявляются общие и отличительные его признаки, изучаются соответствующие типологические ряды и моделирование фабул. Нарратология (термин Ц. Тодорова) как научная дисциплина сформирована благодаря французским семиологам (К. Бремен, А. Ж. Греймас) в конце 60-х годов XX столетия на основании критического пересмотра структуралистской модели мировоззрения и понимания искусства с точки зрения коммуникативных представ-

лений о природе искусства, а также основных концепций теории повествования начала XX века, в частности, формальной школы (В. Шкловский, Б. Эйхенбаум, В. Пропп), принципа диалогичности М. Бахтина.

В исследованиях постсоветских литературоведов рассматривается поэтика преимущественно романов С. Моэма (Н. Дьяконова, Н. Михальская, В. Скороденко, М. Тугушева), пьес (В. Паверман) и отдельных рассказов (М. Злобина, Ю. Нагибин, М. Комолова). Однако исследование нарративных особенностей цикла рассказов, принципов авторского повествования до сих пор не становилось доминантной научной задачей.

И. Трикозенко в диссертационной работе «Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX-начала XX века (Составляющие успеха)» [10] характеризует повествовательную манеру писателя с таких позиций: позиция стороннего наблюдателя, не склонного к морализаторству, «убийственная ирония», категория трагического, театральность жизни как форма отношения англичан к действительности. Также Трикозенко утверждает, что использование автором элементов мелодрамы и приключенческой литературы способствовало его успеху.

Е. Пивоварова в диссертации «Поэтика цикла рассказов У. С. Моэма «Трепет листа: маленькие истории островов Южного моря» уделяет основное анализу поэтологических черт и жанроформирующих факторов малой прозы писателя [8].

В зарубежном литературоведении интерес к творчеству Моэма не угасает на протяжении всего XX века (С. Макивер, Р. Олдингтон, Дж. Брэф, Дж. Бикрофт), однако и в этих трудах вопрос о своеобразии малой прозы писателя остается открытым. В исследовании С. Арчера «Сомерсет Моэм: исследование малой прозы» [13] дана пессимистическая оценка творчества У.С. Моэма с точки зрения либерального гуманизма. Напомнив собственное определение писателя своего места в литературном процессе «первый среди второстепенных», Арчер утверждает, что Моэм отстает от

первого ранга из-за отсутствия инноваций в форме рассказов, неглубокого проникновения в психологию героев и избегания серьезных проблем своего времени. Но, при этом, критик утверждает, что рассказы Моэма с хорошо разработанным сюжетом не заслуживают такого невнимательного отношения, которым они окружены в 50-60-е годы. Современная англистика должна внимательно и в полной мере оценить стилистические и формальные инновации неординарного писателя.

На рубеже XX-XXI веков в связи с развитием нарратологии исследователей стал привлекать вопрос о функции автора и специфике нарративности в произведениях Моэма. Ведь современный анализ обычно делает четкое разграничение между нарратором и писателем, а в произведениях Моэма такое разграничение вызывает определенные сомнения: свои произведения писатель сопровождает предисловиями биографического характера, фактически отождествляющими нарратора и автора (например, в романе «Узорный покров» (“The Painted Veil”, 1925), или же легко придает нехудожественным очеркам сборника «На китайской ширме» (“On a Chinese screen”, 1922) статус художественных, перенеся их в сборник рассказов. Фраза писателя: «Факт и вымысел так перемешаны в моих произведениях, что сейчас, оглядываясь назад, мне трудно отличить одно от другого» получила широкий резонанс, став отправной точкой в исследовании нарратора [7, с. 25].

Критики (Э. Кертис, Р. Колдер, Т. Морган) положительно оценивают объективный стиль наррации писателя, рассказчика характеризуют как человека, не склонного к иллюзиям, с фотографической точностью наблюдения. Р. Колдер отмечает, как искусно представлена точка зрения уравновешенного, скептического человека со здравым смыслом, и считает, что удовольствие от чтения произведений У.С. Моэма возникает от наблюдения и размышлений, а не от соучастия [15, с. 221].

Материалы и методы исследований

В данной статье использован метод нарратологического анализа, направленный на выявление особенностей повествовательной структуры и способов организации нарративного дискурса в малой прозе У.С. Моэма. Анализ проводится на основе сопоставления теоретических положений классической и постклассической нарратологии, включая работы М. Бахтина, Ц. Тодорова, Ж. Женетта, а также современных отечественных и зарубежных литературоведов. Исследование базируется на текстах рассказов писателя, рассматриваемых как образцы художественной коммуникации между нарратором и читателем, а также на критических и

литературоведческих источниках, посвященных поэтике Моэма.

Результаты и обсуждения

Проведенный нами анализ работ о поэтике рассказа и художественных особенностях цикла рассказов Моэма позволяет сделать следующий вывод: большинство трудов отечественных и зарубежных теоретиков и историков литературы посвящено исследованию драматургии и романов, отдельных аспектов малой прозы, тогда как характер нарратива рассказов комплексно не проанализирован.

Нарратологию считают пограничной дисциплиной между структурализмом, истолковывающим художественное произведение как автономное явление, и рецептивной эстетикой, склонной растворять его в сознании читателя.

«Перед нами два события, – писал М. Бахтин, – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого повествования (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (разные и по продолжительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в единое, но сложное событие, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте, воспринимаем эту полноту в ее целостности и неделимости, но одновременно понимаем и всю разность ее составляющих» [1, с. 418].

Нарратология стремится создать универсальную модель событийных рядов в фольклоре и в художественной литературе. Когда содержательность сюжета разворачивается от завязки к развязке, эти ряды имеют «все признаки человеческой деятельности», характеризуются относительной неизбылемостью текста, способствуют медиации повествования, придавая миру «личностное и событийное измерение» [11, с. 12].

Основной единицей в нарратологии является нарратив, то есть повествование (рассказ, повесть, роман) с соответствующей структурой и процессом самоосуществления как способа бытия повествовательного текста, в то же время объект и акт сообщения о подлинных или фиктивных событиях, осуществляемый одним (или несколькими) нарратором, который общается с одним (или несколькими) нарраторами – они становятся разновидностями внутритекстовой коммуникации [9, с. 178]. Речь идет о нарративных инстанциях, важных элементах повествования: имплицитный и эксплицитный нарратор и наррататор, имплицитный и эксплицитный автор и читатель, а также процесс рассказа определенного ряда ситуаций и событий, пространственный контекст.

Под понятием «художественный текст» понимаем такое речевое образование, которое характеризуется прежде всего своим субъектом речи. По причине неполноценности коммуникативной ситуации восприятия художественного текста, где автор отделен от своего высказывания, читатель имеет дело только с текстом, а с автором – лишь настолько, насколько он отражен в этом тексте. Читатель воспринимает прочитанное в произведении как сообщенное ему рассказчиком. А рассказчик представляет особенную точку зрения [2, с. 129], определенную позицию и даже «перспективный центр» – так французские структуралисты переработали англо-американскую концепцию «точки зрения».

Стремление к объективации коммуникативного процесса в художественном тексте повлекло за собой выдвигание на первый план определенных точек зрения рассказчиков, причем не все они выражают авторское мнение. В полифоническом художественном произведении события и люди, составляющие предмет повествования, представлены в освещении разных мировоззрений. Совокупность вымышленных ситуаций с чередованием нескольких типов дискурса (рассказчика и персонажей) составляет определенным образом организованный нарративный акт – повествование (рассказ).

Синонимическим понятием точки зрения является понятие фокализации. Фокализация определяется как выбор нарративной информации относительно того, что в теории перевода называют «всевидением». Ограниченный центр, то есть вид информационного потока, пропускает только то, что разрешено ситуацией. Фокализатор берет на себя своего рода ответственность за организацию выраженной в повествовании точки зрения. Понятие фокализации предложил Ж. Женетт, иными словами фокализация – это перспектива либо угол зрения, под которым передаются определенные действия.

Французские нарратологи разработали три категории фокализации:

1) нулевая фокализация (всестороннее видение), где поток информации не ограничен, рассказчик знает всё о событиях и персонажах;

2) внутренняя фокализация, где в качестве исходной точки взят чувственный мир рассказчика. Развитие текста направлено на его сознание. То, что видит и знает рассказчик, совпадает с видением персонажа. Таким образом, воспроизводится «голос» одного персонажа, оказывающегося в преобладающем положении;

3) внешняя фокализация, когда рассказчик не вводит себя в перспективу ни одного персонажа,

рассказчик (повествователь) находится в отстраненной позиции. Его мысли и чувства неизвестны, потому что он описан со стороны [2, с. 129-130].

Принимая в расчет повествовательные уровни, Ж. Женетт различает следующие виды рассказчиков:

1) по оппозиции уровня: если рассказчик (повествователь) – посторонний, если он не находится внутри своего повествования, то его называют экстрадигетическим (дигезис – рассказанная история); если же рассказчик находится в сфере вставленного повествования, он – интрадигетический нарратор

2) по оппозиции зависимости рассказчика от истории, которую он рассказывает: если он является одним из персонажей этой истории – он выступает как гомодигетический рассказчик, если он не является ее персонажем – он выступает как гетеродигетический нарратор. Иными словами, повествователь от первого лица – гомодигетический, от третьего лица – гетеродигетический.

В соответствии с данными типами рассказчиков выделены следующие пары повествования: интрагетеродигетический – интрагомодигетический, где рассказчик ассоциируется с автором произведения, но в первом случае он не является участником представленной им истории, а во втором – он является персонажем излагаемой истории. Экстрагетеродигетическая – экстрагомодигетическая пара объединяется рассказчиком, который четко отделяет себя от автора текста, только в первом случае он рассказывает историю, в которой он сам не участвовал, а во втором является участником представленной им истории [9, с. 221].

Пространственная точка зрения в гетеродигетическом нарративе малой прозы английского писателя У.С. Моэма утверждалась двумя основными способами в зависимости от того, совпадает ли позиция нарратора с позицией персонажа. Если она совпадает, то нарратор свой дискурс развертывает либо в форме внешней, либо внутренней фокализации. В последнем случае он превращается в образ интрадигетического персонажа, видит все его глазами.

При этом развертывается определенный тип отношений между точками зрения персонажа и нарратора: аналогии или контраста. Речь идет о том, что интрадигетическая перспектива персонажа способна либо дополнять, либо конфликтовать с художественным всевидением экстрадигетического нарратора. В нарративном дискурсе довольно часто встречается явление, когда нарратор просто информирует о событиях, а все посуточное изложение происходит с точки зрения персонажа.

Временная точка зрения в текстах малой прозы писателя может разворачиваться либо с позиции нарратора, либо с позиции какого-нибудь персонажа. То есть она способна фиксироваться либо в форме нулевой фокализации нарратора, либо внутренней фокализации интрадигетического персонажа.

В нарративе малой прозы У.С. Моэма психологический уровень персонажа способствует организации той или иной структуры произведения, поскольку именно через персонажа, через его способ восприятия и реакции на окружающую среду, сквозь призму его переживания читатель получает информацию об истории. Соответственно, психологическая точка зрения персонажа строится на основе взаимодействия внутренней и внешней фокализации, потому что то, что персонаж наблюдает снаружи, одновременно становится объектом для его внутреннего волнения, для его психологического состояния.

Уильям Сомерсет Моэм (William Somerset Maugham, 1874-1965) – известный английский писатель, драматург, романист и автор рассказов. Он, как и Франсуа Рабле, Фридрих Шиллер, Оливер Голдсмит, Артур Конан Дойл, Антон Чехов, Михаил Булгаков, принадлежит к той когорте известных и талантливых писателей, которые начинали свою трудовую деятельность с медицинской практики. Опыт работы в больнице св. Фомы в Лондоне получил свое отражение в первом романе Моэма «Лиза из Ламбета» (1897 г.); во время Первой Мировой войны в качестве волонтера он выносил раненых с поля боя. Моэм прожил долгую и довольно бурную жизнь, большую ее часть провел за пределами Великобритании.

Литературная карьера Сомерсета Моэма началась с фарсовых пьес, которые принесли ему успех во время царствования короля Эдварда в первой декаде XX века. В межвоенный период (20-40-е годы XX века) он много путешествует по английским колониям, начинает писать короткие рассказы и приобретает славу блестящего романиста, благодаря таким романам, как: «Бремя страстей человеческих» (“Of Human Bondage”, 1915), «Луна и грош» (“The Moon and Sixpence”, 1919), «Расписная вуаль» (“The Painted Veil”, 1925), «Пирог и пиво, или скелет в шкафу» (“Cakes and Ale: or, The Skeleton in the Cupboard”, 1930), «Театр» (“Theatre”, 1937), «Вилла на холме» (“Up at the Villa”, 1941), «Острие бритвы» (“The Razor’s Edge”, 1944) и другие.

Первый серьезный сборник рассказов «Трепет листьев» (The Trembling of a Leaf) Моэм опубликовал в 1921 году, когда ему было 47 лет. Этот сборник, а также два последующих – «Казуарина»

(“The Casuarina Tree”, 1926) и «А Кинг: Шесть рассказов» (“Ah King”, 1933) содержат его «экзотические» истории, написанные на живописном фоне тихоокеанских островов. Рассказывая о событиях из жизни британских правительственных чиновников, плантаторов и торговцев, работающих среди неискушенных, часто скучных и глупых туземцев, эти истории с диким реализмом изображают их моральную деградацию в культуре и цивилизации. Эти рассказы критиковались за однообразие темы, но отсутствие сложности в размеренной жизни Востока ограничивало Моэма от слишком большого количества вариаций.

В 1928 году выходит в свет очередной сборник рассказов Моэма «Эшенден, или Британский агент» (“Ashenden, or the British Agent”). Эти рассказы основаны на военном опыте Моэма в секретной службе, в частности в Швейцарии в 1915-16 годах. Это шпионские истории, дающие нам возможность заглянуть в странный мир шпионажа. Написанные последовательно, они связаны между собой личностью рассказчика Эшендена, за которым стоит личность самого автора. Изысканный, беспристрастный Уильям Эшенден является писателем, завербованным, как и Моэм, в британскую Секретную службу. Его рассказы – первые в жанре шпионской фантастики, продолженные Яном Флемингом, Джоном Ле Карре и многими другими – настолько тесно основаны на опыте Моэма, что только через десять лет после окончания войны службы безопасности разрешили их публикацию [15]. В публикации 1928 года Эшенден появляется в шестнадцати рассказах; два года спустя он снова появился в своей мирной роли писателя как рассказчик в романе «Пирог и пиво».

В рассказах Эшендена одним из наиболее часто используемых приемов является исключительная фокусировка на второстепенном персонаже: Моэм часто предпочитает ограничивать выход информации (касается ли это сюжета, характеристики, раскрытия первичных и вторичных последствий или предпосылок к основной сюжетной линии), выравнивая ее охват с охватом второстепенного персонажа, вместо того, чтобы точка зрения и основная сюжетная линия совпадали посредством всеведения. Предполагаемый главный герой выполняет функцию увеличительной линзы для причуд и катастроф целого ряда слегка обрисованных персонажей. Эшенден, тайный агент, перемещающийся по Европе во время Первой мировой войны, является единственным связующим звеном между этими отдельными и непохожими частями. Однако ряд структурных и тематических характеристик отделяет эту серию от стереотипа «секретного агента»: Эшенден не изображен как герой, он ни-

когда не участвует в авантюрных начинаниях и едва ли выступает как полноценный персонаж. Кстатi, каждая короткая часть фокусируется на отдельном персонаже – обычно это кто-то, кого Эшенден встречает во время пребывания в швейцарском отеле, выздоравливая от туберкулеза в шотландском санатории или во время поездки на поезде из Владивостока в Москву – и сюжет вращается вокруг взаимодействия Эшендена с ними. Таким образом, повествование от третьего лица кажется обманчиво объективным и всезнающим: тонкая, но последовательная фокусировка на восприятии и опыте Эшендена радикально влияет на структурное развитие и масштаб рассказа. Более того, явно автобиографические источники историй, возможно, играют роль в определении некоторых основных черт в этих рассказах, таких как сдержанность в предоставлении полного отчета о главных персонажах и тенденция к урезанию повествования без предоставления четкого окончания в тот момент, когда Эшенден перестает быть свидетелем или признает ограниченность своих знаний.

Нарративность можно считать исходным пунктом в процессе поиска своеобразия художественно-эстетической реальности, ведь человеческая способность рассказывать истории становится главным способом осмысления и упорядочения окружающей действительности. Таким способом человек оформляет свой опыт, обеспечивает его содержательность. Следовательно, любой нарратив (и художественный в частности) приобретает субъективный характер, а литературная компетенция реципиента (то есть читателя, непосредственного адресата текста) обуславливает постоянно новую трансформацию образности художественного нарратива.

Моэм понимал рассказ как «изложение одного события материального или духовного порядка – предание, которому можно придать драматическое единство» [7, с. 498]. Следовательно, главная функция сюжета – направлять интерес читателя, а это, по мнению писателя, является главным в литературном мастерстве.

Поскольку коммуникативное целое сюжета состоит из элементарных сюжетных высказываний, построенных на основе фабульных событий, то исследование нарратива английского писателя Сомерсета Моэма с помощью анализа системы мотивов дает основания для детально обоснованного толкования логики сюжетной конструкции малой прозы писателя.

Доминантные мотивы всегда присутствуют в литературных произведениях. Текст, принадлежащий к эпосу, изображает те или иные события и

ситуации, поэтому ведущие мотивы такого произведения имеют характер определенных действий. Лирика воспроизводит душевные переживания и психические состояния героя, и, следовательно, здесь преобладают эмоциональные мотивы – мотивы переживаний и настроений.

Рассказы Моэма часто совмещают в себе лирические и эпические тенденции. Например, структура новеллы «The human element» («Нечто человеческое») построена по форме определенной сферы, в центре которой расположен главный мотив встречи. Нарративная стратегия писателя направлена на раскрытие внутренних переживаний повествователя от встречи с человеком, изнемогающим от бремени безответной любви. Всегда кто-то с кем-то или чем-то встречается. Причем эта встреча становится в тексте тем главным элементом, который переводит всю последовательность событий или размышлений на уровень внутреннего созерцания или переживания.

Мотивы встречи – разлуки, узнавания – узнавания часто и результативно употребляются литераторами разных эпох в разных жанрах для успешного построения увлекательного сюжета. Например, в вышеупомянутой новелле «Нечто человеческое» мотив встречи является исходной точкой в развертывании сюжета: это неожиданная встреча рассказчика (гомодиегетического нарратора) с английским дипломатом Гэмфри Керазерсом, раскрывающим ему историю своей безнадёжной любви к красавице Бетти Уэлдон-Бернс. Нарратор является свидетелем событий и добавляет свой комментарий к характеристике персонажей. Он же выступает и нарратором, внимательно слушая исповедь Керазерса. Кроме этого, отчетливо присутствует также мотив узнавания – нарратор не сразу может вспомнить, где он раньше видел этого мужчину: «Он отошел, а я все еще не понимал, кто он такой и где я его встречал. <...>. Я ломал голову, как бы выяснить, кто он такой, не обидев его» [14, с. 367].

Практически в каждом случае мотив встречи – разлуки теснейшим образом связан с хронотопом дороги. «Значение хронотопа дороги, – пишет М. Бахтин, – в литературе огромно: редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных встреч и приключений» [1, с. 248]. Произведений Сомерсета Моэма вышеупомянутый тезис касается непосредственно, потому что герои его произведений часто находятся в пути – от метрополии к колонии, от одной колонии к другой, от Лондона к иностранному городу. Естественно, что связанные с хронотопом дороги встречи и происшествия происходят

внезапно, неожиданно, случайно. И каждая встреча приносит историю человеческой жизни с ее страданиями, радостями, скитаниями, мечтами. Хронотоп дороги обуславливает перемещение героев в пространстве, его преодоление, расширение или ограничение.

Часто встречаемым элементом в мотиве встречи на дороге во многих рассказах Моэма есть топос бара или кафе (ресторана), которые по своей сути служат местами встреч разных людей. Так, в рассказе «Нечто человеческое» неожиданная встреча нарратора и Керазерса происходит в уютном ресторане римского отеля. В известном рассказе «Luncheon» («Завтрак») молодой рассказчик-писатель (alter ego Моэма) встречается со своей читательницей, поклонницей его таланта, в роскошном парижском ресторане Фойо, что стоило ему немало денег, но при этом обогатило его своеобразным жизненным опытом. Действие рассказа «Жиголо и Жиголетта» также происходит в баре.

В рассказе «Rain» («Дождь») встреча доктора Макфейла и его супруги с супругами миссионерами Дэвидсонами традиционно для Моэма происходит во время путешествия в Полинезию: «Между Макфейлами и Дэвидсонами завязалась пароходная дружба, возникающая не из-за близости взглядов и вкусов, а благодаря неизбежно частым встречам» [3, с. 13]. Эта встреча является завязкой дальнейшего развития сюжета, в основе которого лежит конфликт между религиозным догматиком Дэвидсоном и проституткой Седи.

Дистанция, которая отделяет нарратора от описываемых ситуаций, событий и персонажей, является дискурсивной, то есть предполагает пересказ собственными словами того, что персонаж сказал, или использование его собственных слов. Отсюда весь вес переносится на информацию, передаваемую с перспективы персонажа («внутренняя фокализация») [9, с. 26]. В данном случае нарратор функционирует как гетеродиегетический, поскольку он не является частью представленного диегезиса – «не является персонажем ситуаций или событий, о которых рассказывает» [9, с. 29]. Только через его сознание пропущен художественный мир текста (однородность сознания). Это дает возможность охарактеризовать нарратора «Дождя» как самосознательного, способного к размышлениям и комментариям [9, с. 122], к игре интриги с наррататором. Читатель видит все происходящее глазами доктора Макфейла, который выступает гетеродиегетическим нарратором – свидетелем событий. Взгляд нарратора представляет особый художественный мир произведения – показ лицемерия религиозного фанатика-миссионера, конфликт между реалиями обычной

жизни и проповедью христианского аскетизма. На самом деле наблюдательный нарратор презентует другую, внутреннюю, сущность идеи произведения: быть самим собой, а не носить лживую общественную маску. Нарратор имплицитно акцентирует внимание читателя на внутренних противоречиях миссионера Дэвидсона, который становится жертвой своего догматизма и, не сумев преодолеть искушения, кончает жизнь самоубийством. Разные текст и подтекст рассказа «Дождь» Моэма предполагают не тенденциозное прочтение и неполное совпадение с реальностью, а интерпретацию, поиск смысла, эффект «переворачивания».

Рассказ «The Fall of Edward Barnard» («Падение Эдварда Барнарда», 1921) впервые был опубликован в сборнике «The Trembling of a Leaf: little stories of the South Sea Islands». Содержательный уровень произведения представляет конгломерат идей писателя, воплощенных в системе героев. Повествовательный нарративный текст (для которого обязательно изложение истории (события) через нарратора) отличается наличием сложной трехуровневой коммуникативной структуры [12, с. 76]. Каждый из ее уровней коммуникации предполагает две стороны: отправителя информации (автора литературного произведения) и получателя сообщения (читателя=адресата=реципиента). Связи этих сторон описываются разнообразными моделями, среди которых оптимальной оказалась схема Вольфа Шмида. Схема представляет три ипостаси авторского сознания, присутствующие в повествовательном тексте:

1) конкретный автор («реальная, историческая личность, создатель произведения» [12, с. 41];

2) абстрактный автор (имплицитный, замысел которого осуществляется в произведении) представляет специфику воплощения авторского элемента в тексте [12, с. 42];

3) фиктивный нарратор («... субъект, неизбежно наделенный определенными антропоморфными чертами мышления и речи» [12, с. 63–64].

Вольф Шмид выделяет два способа изображения нарратора:

- 1) эксплицитный;
- 2) имплицитный.

Первый способ «основывается на самопрезентации нарратора»: он может называться по имени, описывать себя как повествовательное «Я», рассказывать историю своей жизни, высказывать собственные мысли. Эксплицитное изображение является факультативным (необязательным) приемом. Другой способ носит обязательный (фундаментальный) характер [12, с. 66–68].

Выясним специфику действий нарратора в повествовательной структуре рассказа «Падение Эд-

варда Барнарда». В данном рассказе представлен гетеродиегетический тип повествования; сюжет и фабула однонаправленны; события в рассказываемой истории обусловлены причинно-следственными и хронологическими связями. Молодой Барнард отправляется на Таити на длительный срок, чтобы поправить финансовые дела семьи. С течением времени его невеста Изабелла Лонгстафф перестает получать письма от него. Их общий друг Бэйтман Хантер, посетив Таити и увидевшись с Эдвардом, узнает, что Барнард не собирается возвращаться в Чикаго, так как он счастлив на Таити – живет так, как хочет его внутреннее «я». Стопроцентный американец, патриот Чикаго Хантер не может поверить в истинность слов и желаний Эдварда, даже при том, что Хантер действительно был поражен красотой острова и открывшимся ему иным модусом жизни.

Е. Пивоварова отмечает: «Моэм, отправляя своих персонажей на далёкие острова, продолжает традицию малой экзотической прозы в английской литературе, которая начиналась с Р. Киплинга. Восток у Моэма предстаёт в качестве зеркала, в котором Запад видит самого себя, но еще не стремится понять, что в этом зеркале отражаются его собственные дефекты. Писатель передает ощущение нестабильности, которую осознают герои» [8].

Повествовательная перспектива меняется в зависимости от того, на кого направлен взгляд нарратора. Это особенно заметно в акториальном типе гетеродиегетического повествования (Хантер – участник событий). В композиционной структуре рассказа «Падение Эдварда Барнарда» те или иные события излагаются с разных точек освещения, в разных планах, что, с одной стороны, усиливает правдоподобие воспроизводимых событий, а с другой – становится стимулом к разворачиванию психологического анализа.

В нарративной модели этого рассказа Моэма нарратив не содержит позицию всеведущего нарратора; фокализация всегда соотносится, корректируется с психологической точкой зрения персонажа. В тексте читатель наблюдает сопоставление трех точек зрения: Барнарда, Хантера и Изабеллы. Во внутренней событийной структуре Хантер выступает как нарратор, а Изабелла – как нарратор, воспринимающий информацию относительно протагониста произведения, отсутствующего в этой ситуации. Относительно внешней структуры, отметим, что экстрадиегетический нарратор предстает ограниченным в рамках пространственной организации художественной картины мира, поскольку присутствуют два противоположных топоса – стандартизированного Запада и свободного от норм и ограничений Таити. Определяющей

идеей данного рассказа У.С. Моэма есть изображение жизненного пути героя, стремящегося познать смысл бытия; разворачивание внутреннего сюжета (психологические переживания героя); воспроизведение пересечения героем определенного жизненного предела, что приводит к его перерождению.

Главная героиня рассказа «Джейн» («Jane». 1923) – женщина средних лет, которая «умудрялась (это дается далеко не всем) выглядеть в точности тем, что она есть на самом деле. Безошибочно понимаешь: перед тобой добропорядочное ископаемое из семейства наших богатых северных промышленников» [4]. Джейн скромна, сдержанна, не любит ничего, кроме вязания и посещения своей единственной родственницы, своей невестки в Лондоне, к большому неудовольствию последней. «Она безвкусна, она провинциальна» – так миссис Тауэр описывает Джейн персонифицированному рассказчику, который, как и во многих других рассказах, является alter ego самого автора. Однако вскоре Джейн сама создает себе репутацию: она выходит замуж за мужчину вдвое моложе ее и начинает одеваться эксцентрично – она носит короткие волосы и монокль, но всегда с безупречным вкусом. И, кроме этого, Джейн становится знаменитой своим юмором. Секрет остроумия Джейн остается неизвестным и миссис Тауэр, и рассказчику. Джейн смешна, потому что она говорит только правду, или, скорее, ее наблюдения кажутся смешными ее собеседникам: миссис Тауэр не «понимает» ее предполагаемого остроумия, потому что она не способна оценить и извлечь «реальность» так, как это делает Джейн. Джейн одновременно шокирует и развлекает, но, хотя она никогда не скрывает тяжелой работы, необходимой для поддержания ее образа жизни – сшитые на заказ платья, монокль, молодой муж. Её разговор не пытается быть эрудированным или остроумным, ее многолюдные вечера по вторникам не предлагают особого развлечения. Так же, как и Моэм в реальной жизни, публичный статус и практика Джейн оказывают поляризующее воздействие на публику: они вызывают либо скептицизм, либо восторг. «Джейн» – пример замечательного контроля и острого восприятия Моэма. Так же, как и Джейн, Моэм доверяет только своей осведомленности и проницательности, чтобы понять, и впоследствии описать то, чему он был свидетелем, что связано с людьми, ситуациями, разговорами. Оба постоянно осознают, что происходит вокруг них, и, что важно, могут отслеживать свои самые сокровенные мысли, чтобы оценить свою ценность: успех Джейн и Моэма основан на

их способности различать истинный вес вещей и соответствующим образом сообщать об этом.

Нарративный тип рассказа «Jane» является традиционным для Моэма: линейная структура повествования с неожиданным, но тщательно подготовленным финалом. Постепенно разворачивается гомодиегетическая наррация – рассказ от первого лица, где нарратор является непосредственным свидетелем изображаемых событий. Мотив встречи служит важным фактором развития сюжета: “I remember very well the occasion on which I first saw Jane Fowler. It is indeed only because the details of the glimpse I had of her then are so clear that I trust my recollection at all, for, looking back, I must confess that I find it hard to believe that it has not played me a fantastic trick” [17, с. 316]. Таким образом нарратор заинтриговывает читателя и провоцирует его любопытство.

Она становится душой светского общества Лондона. Все эти качества были в ней и раньше, когда она жила в провинции, но никто не обращал на нее особого внимания: “I’d said the same things for thirty years and no one ever saw anything to laugh at. I thought it must be my clothes or my bobbed hair or my eyeglass. Then I discovered it was because I spoke the truth” [17, с. 350].

Выводы

Для анализа нарративного дискурса малой прозы Уильяма Сомерсета Моэма центральной проблемой исследования была выбрана категория точки зрения (фокализации), которую следует понимать как одну из важнейших проблем нарративного дискурса. Речь идет об отношениях, зафиксированных в тексте произведения между нарратором и самим нарративом и историей. Творчество У.С. Моэма развивалось в русле неоромантической и реалистической поэтики с элементами модернистского мировосприятия, что проявляется, в частности, в отказе автора от повествования всезнающего нарратора и актуализации в текстах эксплицитного нарратора; в углублении во внутренний мир человека, что проявляется в структуре нарратива из-за внутренней фокализации эпизодов.

Характерной чертой нарратива Моэма является усложнение нарративной структуры путем привлечения читателя к формулировке определенных смысловых позиций путем введения ретроспективных элементов и диалогической речи. Нарративные модели текстов рассказов Моэма проана-

лизированы как формы художественной коммуникации между нарратором и реципиентом. Во многих рассказах присутствует нарративная пара – нарратор и наррататор, существующие на одном диегетическом уровне.

Особенностью нарративной модели, характерной для идиостиля Моэма, является приближение нарратора к психике героя, воспроизведение его чувств, размышлений. В таких текстах нарратор сосредотачивается на отражении событий через призму восприятия протагониста. Этот тип модели проявляется в рассказах «Падение Эдварда Барнарда», «Дождь», «Джейн». Поскольку читательское восприятие в этих текстах сосредоточено на сознании героя (героев), доминирующей является персонажная фокализация, в частности в аспекте перцепции и речи.

Дискурсы персонажей содержательно раскрывают принципиальные публичные трудности, содержат философские размышления. В произведениях автора наряду с цитируемой речью прослеживается интерференция дискурсов нарратора и персонажа. Это выражает общую тенденцию литературы первой половины XX века к преобладанию этой формы для воспроизведения интроспекции персонажа, персонализации повествования, перемещения фокализации с нарративного полюса на персонажный. В текстах У.С. Моэма присутствуют различные типы дискурсов (интрадиегетический, экстрадиегетический), которые формируют композицию элементов текста, фиксируют пространственную и временную локализацию действия. Часто воспроизводимая речь или мнения персонажей содержат переакцентирование, ироническую интонацию, знаки дополнительной, иногда даже противоположной оценки.

В нарративе малой прозы У.С. Моэма психологический уровень персонажа влияет на организацию структуры текста, поскольку в общей массе произведения именно через персонажа, через его способ восприятия и реакции на окружающую среду, через призму его переживания читатель получает информацию об истории (событии). Соответственно, психологическая точка зрения персонажа строится на основе взаимодействия внутренней и внешней фокализации, потому что то, что персонаж наблюдает снаружи, одновременно становится объектом для его внутреннего волнения, для выражения психологии человека.

Список источников

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Женетт Ж. Пространство и язык. Фигуры: в 2 т. М.: Изд-во Сабашниковых, 1998. Т. 1. С. 126 – 132.
3. Моэм С. Дождь. Рассказы. Львов: Изд-во при Львов. ун-те, 1986. 368 с.

4. Моэм У.С. Джейн. [Электронный ресурс]. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/418821-8-somerset-moem-dzheyn.html#book>
5. Моэм У.С. Падение Эдварда Барнарда. [Электронный ресурс]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/214954-9-somerset-moem-padenie-edvarda-barnarda.html#text>
6. Моэм У.С. Нечто человеческое. Рассказы. М.: Правда, 1989. 528 с.
7. Моэм У.С. Подводя итоги. М.: ЭКСМО, 2003. 544 с.
8. Пивоварова Е.Л. Поэтика цикла рассказов У. С. Моэма «Трепет листа: маленькие истории островов Южного моря». [Электронный ресурс]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/pivovarova-poetika-cikla-rasskazov-moema.htm>
9. Тамарченко Н.Д. Точка зрения персонажа и авторская позиция. М.: 2001. 246 с.
10. Трикозенко И. Художественная проза С. Моэма в контексте английской литературы XIX – начала XX века (Слагаемые успеха): автореф. дис. на соискание науч. степени канд. филол. наук. М.: 2003. 20 с.
11. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь: 2001. 165 с.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
13. Archer S. Somerset Maugham: A Study of the Short Fiction. Twayne's Studies in Short Fiction. New York: Twayne Publishers 1993. 135 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://openlibrary.org/books/OL1736972M/W._Somerset_Maugham
14. Arun K.Jha. Somerset Maugham as a Short Story Writer: Principles and Practice [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://darbhangatower.wordpress.com/2016/12/28/somerset-maugham-as-a-short-story-writer-principles-and-practice/>
15. Calder R.W. Somerset Maugham and the Quest of Freedom. London, 1972. 324 p.
16. Maugham W.S. Rain and Other Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1977. 406 p.

References

1. Bakhtin M.M. Questions of Literature and Esthetics. Studies of Different Years. Moscow: Art Literature, 1975. 502 p.
2. Genette J. Space and Language. Figures: in 2 volumes. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 1998. Vol. 1. P. 126 – 132.
3. Maugham S. Rain. Stories. Lviv: Lviv University Publishing House, 1986. 368 p.
4. Maugham W.S. Jane. [Electronic resource]. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/418821-8-somerset-moem-dzheyn.html#book>
5. Maugham W.S. The Fall of Edward Barnard. [Electronic resource]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/214954-9-somerset-moem-padenie-edvarda-barnarda.html#text>
6. Maugham W.S. Something Human. Stories. Moscow: Pravda, 1989. 528 p.
7. Maugham W.S. Summing Up. Moscow: EKSMO, 2003. 544 p.
8. Pivovarova E.L. Poetics of W.S. Maugham's Cycle of Stories "The Trembling of a Leaf: Little Stories of the South Sea Islands". [Electronic resource]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-angliya/pivovarova-poetika-cikla-rasskazov-moema.htm>
9. Tamarchenko N.D. Character's Point of View and Author's Position. M.: 2001. 246 p.
10. Trikozenko I.S. Maugham's fiction in the context of English literature of the 19th – early 20th centuries (Components of success): author's abstract. dis. for the degree of candidate of philological sciences. M.: 2003. 20 p.
11. Tyupa V.I. Narratology as an analysis of narrative discourse. Tver: 2001. 165 p.
12. Shmid V. Narratology. M.: Languages of Slavic Culture, 2003. 312 p.
13. Archer S. Somerset Maugham: A Study of the Short Fiction. Twayne's Studies in Short Fiction. New York: Twayne Publishers 1993. 135 p. [Electronic resource]. Access mode: https://openlibrary.org/books/OL1736972M/W._Somerset_Maugham
14. Arun K.Jha. Somerset Maugham as a Short Story Writer: Principles and Practice [Electronic resource]. Available at: <https://darbhangatower.wordpress.com/2016/12/28/somerset-maugham-as-a-short-story-writer-principles-and-practice/>
15. Calder R.W. Somerset Maugham and the Quest of Freedom. London, 1972. 324 p.
16. Maugham W.S. Rain and Other Short Stories. Moscow: Progress Publishers, 1977. 406 p.

Информация об авторах

Назаренко Н.И., кандидат филологических наук, доцент, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, 287592, ДНР, г. Мариуполь, пгт. Сартана, ул. Советская, 47, naiva2022@mail.ru

Дацер Е.С., старший преподаватель, Приазовский государственный технический университет, 287592, РФ, ДНР, г. Мариуполь, пгт. Сартана, ул. Советская, 47, k.datser@yandex.ru

© Назаренко Н.И., Дацер Е.С., 2025